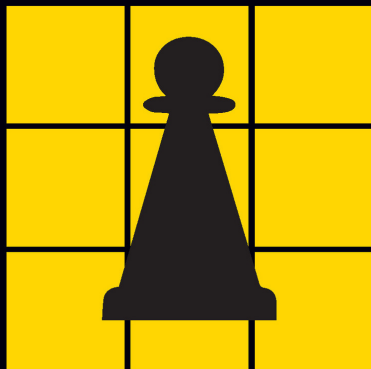

РОМАН ДЕНИСОВ

ПАРТИЯ

Роман Александрович Денисов

Партия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44559168

Р. А. Денисов. Партия: ИПО «У Никитских ворот»; Москва; 2019

ISBN 978-5-00095-824-7

Аннотация

Этот роман составлен на основе шахматной партии Алехин – Эйве, проходившей в 1935 году в Голландии. Он являет собой структурное повествование, где каждая глава – ход шахматиста, фигура – определённая сюжетная линия. Заглавия написаны в манере русской шахматной нотации.

Разброс персонажей в сюжетных линиях широк: от древнегреческой гетеры до хоккеиста и телефонного хулигана. Клетки-ходы связывают их на доске жизни, где возможны самые невероятные события.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
e2 – e4	15
e7 – e5	17
Kb1 – c3	19
Kg8 – f6	28
Cf1 – c4	33
Kf6: e4	44
Фd1 – h5	48
Ke4 – d6	52
Cc4 – b3	57
Cf8 – e7	64
Kg1 – f3	71
Kb8 – c6	80
Kf3: e5	85
Kc6: e5	95
Фh5: e5	102
0 – 0 (чёрные)	106
Kc3 – d5	120
Lf8 – e8	127
0 – 0 (белые)	140
Ce7 – f8	155
Фe5 – f4	166
c7 – c6	170

Роман Денисов

Партия

© Денисов Р. А., 2019

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

Пролог

«Когда же принесут обед, когда же... по времени уже пора, так почему не несут?..»

Смотреть всё время в потолок становилось невыносимо. Все кирпичи и швы между ними, все оттенки, разводы, неровности были уже давно изучены. Через маленькое решётчатое окно, похожее на экран старого телевизора, сочился мутный свет, весь в хлопьях. Наверное, снаружи шёл снег. Где-то капала вода, будто молоточек стучал по одной и той же металлической клавише. Он попытался вычислить кубатуру помещения, чтобы отвлечься от мыслей о еде, но дело сразу не задалось. Во-первых, помещение было неправильной формы – старая постройка со сводчатым потолком, во-вторых, оконце в двери, называемое кормушкой, тяжело открылось, и на него поставили алюминиевую миску и кружку.

– Карандаш можно?

– Нет, – ответил человек по ту сторону.

Взяв посуду и поставив её на столик, привинченный к стене, он начал рассматривать принесённое.

Так, что тут у нас: слипшийся в комок рис, но и это была большая удача, несколько кусочков неизвестных рыбин, чай (заварка сорной травы, видимо, крапивы) и, самое главное, вот он, заваленный гарниром, выглядывает своим краешком – отрез белого хлеба! Да-да, белый хлеб, тот самый, который

давали намного реже чёрного.

Надо сказать, что развитая личность способна избавляться от скуки самыми необычными способами, в том числе и тем, который выбрал обедающий сейчас человек. Вот уже больше месяца мял он в руках кусочки хлеба, отказавшись от части еды ради цели – вылепить шахматные фигуры. Сначала он, правда, задумал суицид, но, вовремя остановившись, отринул никудышную мысль. Теперь, подобно Савве Мамонтову, лепившему своих надзирателей в Таганской тюрьме, трудился он над воплощением своей идеи. Партнёров, как видно, ждать не приходилось, поэтому играть ему было суждено с самим собой.

Чтобы изготовить тридцать две фигурки, учитывая, что белый хлеб давали примерно в три раза реже чёрного, ему потребовалось тридцать шесть дней. Конечно, он пробовал поговорить с охранником о том, чтобы чёрный заменяли на белый, но это было безрезультатно. Ради чистоты эксперимента он, не без упрямства, строго решил сделать чёрные фигуры из ржаного, а белые – из пшеничного хлеба. В среднем одна пайка с малым остатком уходила на фигуру или две пешки целиком. Технологию он выработал такую: отрывал мякиш от корки (она не годилась) и начинал его разминать. Смекнув, что если смочить мякиш водой или слюной, то получается субстанция, похожая на пластилин, он действовал так: минут десять мял хлеб пальцами двух рук, потом добавлял немного воды, давил ещё минут двадцать, снова смачи-

вал водой и последний отрезок в полчаса делил пополам финишным увлажнением, итого – час мять при трёх смачиваниях. Дальше было интересней, начиналась лепка. Первые фигурки-пешки выходили довольно уродливыми, но по мере накапливания опыта стали получаться вполне приличные изделия. Использование ногтей в работе – а ногти отросли неплохие – позволило добиться лучшего качества исполнения. В общем, если сначала на изготовление пешки далеко не высокого качества у него уходило больше двух часов, то теперь столько стало уходить на сложную фигуру. Причём рост их эстетического уровня был налицо. Например, слон выглядел не как примитивный столбик с упрощённой маковкой, а как сложная колонна с венчающим её тевтонским шлемом. Дольше всего пришлось повозиться с конём: час на субстанцию и около трёх, чтобы вылепить морду, никак она не выходила. Но в конце концов вполне похожий силуэт коня, обрезанного по шею на фигурной подставке, получился.

Работать с чёрным хлебом ему нравилось больше, так как сам материал был более пластичным, но сейчас он радостно, даже с вожделием смотрел на белый. «Ну вот и последняя фигура... белый король... пожалуй, сделаю его с короной чуть более высокой, чем у чёрного. Хотя нет, не буду».

Намяв грязно-белую смесь до необходимого состояния, он раскатал её колбаской и поставил вертикально, столбиком, по высоте получалось сантиметров восемь. Дальше ногтем отметил «голову», «туловище» и подставку-блинчик.

Наметил декоративные валики, окантовки. Потом при помощи разогретых пальцев стал лепить основание, выводить тулово и мелкие элементы. Менее чем через два часа он долепливал корону. Безусловно, это была его победа. Теперь оставалось поставить фигуру на батарею и подождать часов восемь-девять, тогда хлебный истукан превращался в твёрдый сухарь.

Поскольку близилось время ужина, то ставить фигурку на батарею было опасно, могли отобрать, значит, нужно было подождать, пока принесут еду, а там через три часа отбой, выключают свет, и можно смело ставить сушиться.

Примерно так он думал, снова лёжа на шконке и смотря в потолок. А ещё не переставая терзал себя мыслью о том, почему здесь оказался. Два месяца не мог он этого понять, и никто ему не дал объяснения. Сначала заключённый громко кричал, требовал, даже угрожал, но после того как к нему в камеру зашли два исполинских охранника... Нет, они его не били, просто заглянули с дубинками, пришлось угомониться. Он просил, чтобы ему дали хотя бы отобранный телефон, позвонить успокоить близких, но получил отказ.

«Что там думают родные?.. Кафка, Кафка», – всё крутилось и крутилось в голове.

Первые четыре фигурки у него отняли при осмотре камеры, он проходил три раза в неделю. Непонятно, зачем его производили, ведь он за всё время лишь дважды выходил за пределы своего каменного мешка – в грязный душ, и не

получал передач. Одежду, ту, в которой его сюда привели, а именно: джинсы, свитер, мягкие полусапоги и исподнее (пальто с шапкой изъяли) – проверяли так же часто. Один раз её забрали в прачечную, и арестант был вынужден дрожать от холода, накрывшись тонким полосатым одеялом, – в камере сильно дуло из неведомых щелей.

Сама собой приходила на ум аналогия с узником замка Иф, особенно после того, как ему сильно повезло. Ища место, где можно было бы спрятать фигурки, он досконально обследовал всю камеру. Ложе-шконка, с безобидными насекомыми и дырявым набивным матрацем, который всегда тщательно осматривали, железный вмонтированный столик, батарея в стене, классическое отхожее место (дырка с воронкой в полу), чугунный ржавый умывальник – всё! Спрятать негде. Хотя, может, в щель попробовать... пол цементный, судя по всему, недавно заливали... отпадает... стены... посмотреть между кирпичами, расковырять их? Нет... а это что? Один из кирпичей как будто шатался. С помощью цепких пальцев удалось сначала на несколько миллиметров, потом сантиметров и, наконец, полностью вытащить его из стены. В глубине открылась небольшая ниша. Пугливо косясь на дверь, он начал её осматривать. Она была неглубока, в один кирпич длиной и шириной. Засунув руку, он почувствовал пальцами что-то бумажное. Это оказалась побуревшая, прорванная в нескольких местах газетная вырезка неизвестно каких времён. Жирными буквами надпись гласила:

«...овское трёхгорное пиво

Положить в большой чугуи 3 фунта шведского кисло-сладкого хлеба и 2 фунта ситного, предварительно нарезанных, обсыпанных немного солью и одним фунтом мелкого сахарного песку и высушенных, 2 фунта ячменного и один – ржан... ..олода, 10 г дрожжей, разведённых в бутылке теплой кипячёной воды, влить столько кипячёной воды, чтобы масса густотой напоминала хорошую сметану, положить 2 фунта сухого хмеля, все размешать, накрыть толстой салфеткой и поставить на 5 часов в тёплое место. Затем влить 20 бутылок кипячёной воды, размешать, накрыть плотно крышкой и поставить в хорошо вытопленную печь.

На другой день осторожно...»

Тем вечером, спрятав фигуры в тайник и тщательно замаскировав щель грязью, он заснул с хитрой миной.

Но вот пришло время ужина, принесли кашу с белым хлебом, и заключённый, улыбнувшись впервые с момента работы над фигурками, съел его полностью. В девять вечера выключили свет. Поставив белого короля внутрь батареи, он лёг и тихо запел мотив, когда-то, очень давно, услышанной песни.

Подъём был в шесть часов, зажегся неяркий свет, и моргал в двери глазок. Когда охрана удостоверилась, что всё в порядке, узник подошёл к батарее и достал фигуру. Твёрдость была достаточная. Теперь оставалось только соорудить шахматную доску. Единственное, из чего её можно было сделать, – это железный столик, нацарапав на нём линии сетки.

Справив нужду, он подошёл к умывальнику и принялся чистить зубы; щётку, зубной порошок (паста не полагалась) и одноразовую безопасную бритву ему выдавали, удерживая их сумму из тех денег, которые были у него при себе во время задержания; это единственное, что ему можно было купить. Сплюнув пенную жёлтую воду, арестант, прохаживаясь по камере, дождался, когда принесут завтрак.

Каша, разбавленная чаем, скрипнув, провалилась в желудок, став частью организма. Облизав ложку, он стал царапать концом её держала сетку, спасибо, стол был покрашен бледно-зелёной масляной краской; девять горизонтальных, девять вертикальных линий, тёмный квадратик, светлый, цифры и литеры выводить не стал. Как обычно, по прошествии пятнадцати минут открылось в двери окошко, и он возвратил пустую посуду.

Итак, можно было доставать фигурки из тайника. Расставив их на произвольной доске, заключённый любовно окинул взглядом свою армию из сухарей. Месяц работы, всевозможные меры предосторожности – и вот результат: немного нестройные ряды пешек, коней, слонов, ладей и прочих чи-

нов шахматной рати ждут начала.

Лязгнув замковым железом, открылась дверь, в камеру быстро зашли двое знакомых охранников.

– Это чё такое? – спросил квадратный, как слон, детина.

– Шахматы.

Ему подумалось: сейчас отнимут.

– Ты опять за своё, мы же уже объясняли тебе, – наливался гранатовым соком охранник.

– Да погоди ты, – вмешался второй, мало чем отличавшийся от первого, но лицом, из-за своеобразной вытянутости, больше походивший на коня. – Он «вату не катает», видишь, как сработано, шикарные фигурки.

Первый неопределённо поморщился.

– Скажи только, где прятал?

«Если не скажу – будут бить и отнимут, скажу – наверно, побьют и тоже отнимут...»

– В желудке прятал.

– То есть? – удивился Конь.

Ненавидящим, но спокойным голосом заключённый продолжил:

– Прятал, а сегодня вывел известным путём, ваш хлеб не переваривается организмом. – Он смотрел то на одного, то на другого ровным немигающим взглядом.

Несколько секунд была тишина, только в трубах привычно шумело.

Наконец Конь и Слон осклабились.

– Ну, ты юморист! Ладно, играй, только потом спрячь туда же.

Нехорошо посмеиваясь, они вышли, захлопнув дверь. Он выдохнул, вытер о свитер влажные ладони и взялся за пешку.

e2 – e4

– Я не хочу, чтобы моему сыну забивали голову средневековой агитацией. Все эти уроки Закона Божьего только отрывают детей от получения научных знаний. Зачем ему все эти древние небылицы?

– Но послушайте, Олег Петрович, ведь ваша жена сама привела Никиту на факультатив «Основы православия».

– Вы, Тамара Ивановна, завуч и прекрасно понимаете, зачем нужно сгонять детей на эти факультативы. Чем больше их там будет, тем лучше школу отметит церковь, а городская и районная администрация с ней прекрасно контактирует, тут и возможность для финансирования расширится.

– А как вы думаете, так ли уж бесполезно знание нашего предмета? – спросил священник.

– Считаю его пустым. Извините, но это честно.

– Ничего-ничего, как хорошо, что вы заговорили о пустоте. – Священник заморгал выцветшими глазами. – Видите ли, как известно, мир в основном состоит из пустоты. И то, что мы наблюдаем в макрокосмосе, присутствует и в микрокосмосе, такие же протоны – планеты, атомы – солнечные системы, клетки – галактики. А между ними пустота. Эта пустота колоссальна, она не имеет конца и начала, и она есть Творец, абсолют, если угодно, великое ничто, породившее всё. Её невозможно постичь до конца. Ну, разве только вы

всеобъемлет в сознании площадь вселенной. И отвергая Бога, вы отвергаете её, а значит, и себя, так как вы сами состоите из пустоты.

– Вы как будто меня в секту хотите пригласить.

– Ну что вы, сектантство тут ни при чём, вы же хотели про науку, так вот: космос состоит, как утверждают учёные, на девяносто пять процентов из тёмного вещества, пустоты. И вот представьте себе, те же учёные создают адронный коллайдер, чтобы воспроизвести это тёмное вещество. Получается, они клонируют ту самую великую пустоту, то есть Бога, вы как думаете, Олег?

– Не ожидал услышать такой вопрос... отец Николай. Но, по-моему, многое из ваших слов спорно.

Звенит звонок. Отец Николай проворно берёт портфель с ноутбуком и спешит к двери.

– Простите, меня дети ждут, вы приходите на недельке, может, Тамара Ивановна разрешит поприсутствовать на уроке, тогда и побеседуем как следует.

e7 – e5

Лектор кашлянул, сделал глоток воды из пластикового стаканчика, обвёл взглядом аудиторию, машинально отметив отсутствующих, пригладил усы и продолжил:

– Все сколько-нибудь значимые научные открытия сделаны агностиками или атеистами – людьми, свободными от религии. На протяжении всей истории самый дремучий застой наблюдался в периоды тотального доминирования религии. Возьмём две современные господствующие конфессии: христианство и ислам. Время расцвета христианства совпало с крушением античной цивилизации, а последующее Средневековье не принесло практически ничего, кроме богословских текстов. Исламская цивилизация Аравии воспользовалась трудами доисламского периода. Да и расцвет её явил миру таких пересмешников магометанских ритуалов, как Омар Хайям и Башшар ибн Бурд. Справедливости ради стоит сказать, что сейчас Хайяма уж точно посадили бы или вообще казнили во многих странах Ближнего Востока, тогда он этого избежал. Со схоластикой, матерью аутодафе, то же самое, основу они взяли из эллинской философии, точнее, у Аристотеля. Перекроили её под свои христианские лекала. Но развитие неумолимо, и возникший позже Ренессанс – это суть отказа от церковных догм. И пусть сюжеты живописи эпохи Возрождения основаны на библейских мотивах,

они так или иначе стремятся вырваться за пределы косных барьеров и границ клерикализма. В России резкий подъём творческих сил стал наблюдаться в правление Петра, который сильно ограничил церковь и способствовал развитию светских институтов. Таким образом получается, что цивилизационный процесс развития напрямую зависит от секуляризации общества и ведёт от стояния Земли на трёх китах к полёту в космос. Какие будут вопросы?

В зале коммерческого колледжа не поднялось ни одной руки, и лектор скоро закончил занятия. Студенты, вынув наушники, в которых играла очень разная музыка, от шансона до Slipknot, оживлённо и весело стали обсуждать поездку на майские к другу на день рождения. А лектор заторопился на электричку, надо было успеть на дачу. Сегодня ему привозили торф.

Кb1 – с3

Состав, скрипя колёсными парами, медленно двигался по радиусу перегона, заходя на грузовую станцию Бойня. Устаревший грузопассажирский тепловоз М62, напрягаясь всем железом, изношенным тяговым электродвигателем и дизель-генератором, тащил груз, огибая своим змеиным телом технические сооружения.

Станция Бойня находилась на ответвлении Малого кольца Московской окружной железной дороги и название своё получила от обслуживания городской бойни. В день её открытия летом 1893 года на Скотопрогонной улице жутко замычали коровы. Их вели в «мясной шалаш», как по старинке называл место убоя старик пастух, пригнавший стадо. В такт коровам шедший рядом подпасок, блажной дурачок, горько заплакал. Что-то похожее повторилось мартовским утром 1953 года, когда рёвом паровозных гудков по всей стране прощались со Сталиным.

Отрывисто просигналив, машинист улыбнулся девушке, стоявшей у крылечка изящного железнодорожного домика начала двадцатого века.

– Чего тащишь, Саш?! – весело крикнула она, и пар раннего апреля вырвался у неё изо рта.

– Да вот, контейнеры с Перово, зачем-то сюда перегнать решили! – ответил машинист.

– Приходи чай в каптёрку пить!

– Ага, Лен, сейчас, вот поставлю!

Проехав горловину станции и выйдя на нужный путь, Александр повернул ручку тормоза, останавливая поезд; лязг металла напомнил нотки из «Одинокого пастуха». Подождав несколько минут, пока температура воды и масла не снизилась до 60 градусов, выключил двигатель. Сделав всё необходимое, машинист вылез из кабины. Закопчённый зверь стоял, остывая после тяжёлой работы. Похлопав его по грязно-зелёному боку, Саша пошёл отмечаться в контору. Идя из конторы в каптёрку, он посмотрел на приведённый им поезд, состоявший из семи контейнеров на платформах. Все они были коричневого цвета, и в правом верхнем углу скромно значилась надпись «Cronos» сверху вниз.

«Вот он – отец Зевса», – отметил себе Саша.

Каптёрка была местом, где весь станционный персонал обычно пьянствовал и дул гашиш. И Саша, которому нельзя было пить и курить из-за больного желудка, ходил туда только ради Лены.

Он поначалу не понимал, как она может находиться там с брутальными мужиками, пока ему не рассказали один случай.

Недавно устроившуюся на скучную бумажную работу Лёну пригласили на день рождения одного наладчика. Придя к уже изрядно разогретым мужчинам, которые тут же усадили её на самое видное место, она, ничуть не смутившись, стала

пить с ними вино. Помимо мужского пола присутствовали две женщины-обходчицы, ходящие под пенсией и занятые самцами своего возраста. В разгар веселья выяснилось, что за сердце Елены бьются два претендента, как водится, самые крепкие и авторитетные среди собравшихся. Приняв решение выявить победителя без крови, они судили спор следующим образом: взяли два стакана и попросили приятеля налить доверху в один из стаканов чистый этиловый спирт, заблаговременно слитый из вагона-цистерны, а в другой – водку. Выпивать договорились залпом, соответственно, тот, кто выпивал стакан спирта, автоматически выбывал из претендентов, поскольку становился небоеспособен. Поначалу, когда стали пить из выбранных стаканов, не было понятно, у кого что. Но как только, оторвав губы и поставив пустую посуду на стол, один из мужиков начал жадно ловить ртом воздух, победитель был определён. Проигравшему быстро дали запить и положили его на диван, находившийся в каптёрке за ширмой. Выигравший счастливчик досадливо посмотрел вслед побеждённому, на диван он сегодня тоже рассчитывал. И думая, куда бы повести свой трофей: можно в смежную комнату, там учебный класс, есть парты, а можно и вовсе в душевую, – он начал слегка приобнимать Лену. Девушка, в свою очередь с интересом наблюдавшая за состязанием, теперь начала понимать его подоплёку. Когда действия победителя переросли в откровенные приставания, с поглаживанием бёдер, она резко оттолкнула своего ухажёра. Не удерж-

жавшись на стуле, он упал, чем вызвал смех коллег. Обозлённый этим обстоятельством, мужик схватил Лену за волосы; намотав русые пряди на кулак, он торжествующе посмотрел на неё. А она, недолго думая, взяла стоявшую рядом бутылку и разбила её о лоб победителя. Кисть разжала волосы, ноги подкосились, и мужик рухнул на пол. Ни на кого не глядя, Лена взяла со стола яблоко и вышла прочь.

Дверь, всегда так плотно закрывающаяся в старых зданиях, открыла просторную комнату. Здесь, за довольно широким столом, сидели люди, кто в спецовке, кто в спортивном костюме. Они играли в покер, варили пельмени в чайнике и просто отдыхали. В углу стояла Лена, она сняла чайник с электрической подставки, высыпала пельмени в большую тарелку и приветливо показала на стул:

– Садись, пельмени будешь? Тогда давай чай пить. Только прокипячу разок, чтобы пельменного привкуса не было.

– А ты знаешь, я смотрел по телику передачу о том, что есть такая кухня, в которой могут, например, лимону придать вкус свинины.

– Да брось ты! Хотя чай и кофе со вкусом мяса я часто пью.

– Ага. А ты представь беднягу повара, мусульманина, который всё, к чему бы ни притрагивался, обращал в свинину, как мифологический царь Мидас, превращавший предметы в золото и умерший от голода.

Саша сел за стол, и Лена налила ему крепкую заварку

пополам с кипятком. Когда она наливала жидкость, у неё непроизвольно чуть открылся рот и локон непослушных волос выскочил из-под платка-банданы. Лена любила в свои двадцать три всё молодёжное – малиновые кеды, шапки хип-хоп, причём на ней это не выглядело странно, наоборот, как нельзя лучше подходило к её весёлому, взрывному характеру. Парень смотрел на неё, не отрывая масленого взгляда. Она это заметила, и кончики её губ приподнялись, как будто завившись в улыбке.

– Вот вам! Ни фиги себе! Это как! – раздались восторженные голоса играющих.

– Лен, после того как ты его бутылкой жажнула, он теперь только выигрывает, может, и меня долбанёшь? – спросил молодой ухарь с красивыми наглыми глазами.

– Если будешь себя плохо вести. – Лукаво подмигнув, Лена села рядом с Сашей, две ямочки провалились у неё на щеках.

– Ой, буду, буду!

– Не советую, рука у неё тонкая, но тяжёлая...

– Раздавай уже...

– Ещё, нах, разок...

Гомон мужиков не мешал им разговаривать.

– Ты сейчас обратно? – Она отхлебнула чай, покусывая кружку.

– Да, в депо, надо поставить зверя.

– А ты меня покатаешь на нём?

– Покатаю, конечно.

Лена улыбнулась, и молочная жилка треснула на её нижней губе; потом вздохнула.

– Опять Ефимыч приглашал к себе кофе с коньяком попить, достал уже.

Ефимыч был начальник станции; и этот старый, но обязательный советский жулик, вожделевший Елену, разными способами пытался завлечь её в свои широкие лапы.

Саше очень не хотелось уходить, но надо было ехать. Попрощавшись с девушкой и мужиками, он пошёл к тепловозу.

Выезжая со станции на окружную дорогу, Александр думал: «Как хорошо, что сейчас весна, это будет моя весна». Вспоминая Ленины глаза, он гудком поприветствовал проходящую дрезину.

Ему нравилась железнодорожная романтика. В детстве Саня с пацанами большую часть свободного времени проводил на путях в деревне или городе. Особенно они любили класть на рельсы всякие предметы. Один раз рижский экспресс, наехав на подложенный камень, осколком выбил глаз Санькиному другу, который за секунду до этого снял очки. Кроме мечтаний детства Сашу толкнула пойти машинистом семейная традиция – отец и дед работали на железке, да ещё одно обстоятельство, о котором говорится ниже. Дед Платон водил паровозы, электровозы и прочие «возы» разной власти: от советской, немецкой (на оккупированной Витебщине) и снова советской – до российской, при которой он

вышел на пенсию с грамотой и нищими копейками. Как он сам шутил: «Вышел в отставку с мундиром и гайкой». Старик успел увидеть внука в железнодорожной форме, в армейской не позволило плоскостопие, и, порадовавшись продолжению династии, скоро помер. Ещё ранее умер отец. Мама скончалась при родах, отдав ему свою жизнь и мягкий, но порой непреклонный характер. После смерти деда Саша остался один в своей двухкомнатной квартире в выхинской хрущёвке; сюда в пятидесятых семья переселилась из Белоруссии. Был у него, правда, дядя, младший брат отца, человек оригинальный, если не сказать странный, но жил он за городом, и виделись они редко. Больше из родственников он ни с кем не знался.

Месяца четыре назад Саша решил сдать одну комнату, и теперь очень жалел об этом. Поначалу всё было вполне благополучно. На объявление откликнулась молодая не слишком привлекательная девушка с шекспировским именем Гертруда, представившаяся Герой. Через некоторое время она стала проявлять к Саше известные знаки внимания, на которые тот ответил ровно так, что Гера придумала себе необходимость опеки и заботы над ним. Это стало проблемой. Редкий выходной не проходил по сценарию: кино, «Макдоналдс», скучный секс. От природы покладистому Саше всё труднее становилось сопротивляться влиянию сожительницы, оставаться самостоятельным. Большая капля подкатилась к маленькой и вот-вот была готова слиться с ней.

Кстати, Лене, с которой у него не так давно сложились тёплые отношения, он ничего не рассказывал о квартирантке, как и Гере про Лену.

Доехав до депо Лихоборы и поставив тепловоз, Саша попросил знакомого машиниста подвезти его на автотрике.

– До пересечения с Казанской довезу, мне как раз туда, а дальше сам, – сказал пожилой машинист.

– Спасибо, там до Фрезера недалеко, а от него до дома три станции.

– Ты чего сияешь, как жопа при луне?

– Так, на душе спокойно.

Ехали они через Лосиный Остров, со всех сторон жал мокрый, распаренный, чёрный лес, сквозь забор ветвей проглядывало солнце, похожее на увеличенную икринку лосося, и всё это так радовало, что хотелось остановиться, выйти и заорать что-нибудь бессмысленное. Дед всё время болтал, как таксист, Саша не очень вслушивался в его речь, и до него долетали только обрывочные фразы: «...ну, собаку я кушал, было дело, тут главное, чтобы она не чпоканая была... всё сны какие-то снятся, какие-то часы плавленные, маски, к чему бы это... очень я её любил, трудно без неё...»

Заходя в магазин, располагавшийся в его же хрущобе, Саша подумал: «Что нужно человеку, чтобы жить с лёгким сердцем? – и сам же для себя ответил: – Три составляющие: 1) выбрать дорогу, 2) иметь возможность двигаться по ней,

3) останавливаться, если нужно кого-то подвезти... Тьфу! Прямо как электричка».

Видимо, он долго стоял, улыбаясь сам себе, потому что толстый, тёмный лицом продавец крикнул:

– Ты будешь брат, наконец!

– Да, пакет молока. – Вспомнив наказ Геры, добавил: – И чипсы с паприкой.

Дома Сашу ждала спартанская обстановка и Гера. Спали они не вместе, хотя грозой надвигалась идея сожительницы купить двуспальную кровать. Посмотрев на кухне телевизор, они разошлись по комнатам. В связи с женскими делами события в этот вечер не было.

Глядя в зеркало у себя в комнате, Александр который раз отметил самое заурядное отражение и, непроизвольно вздохнув, подошёл к окну, выходящему на Казанскую железную дорогу, протёр рукавом запотевшее стекло. Смотря на склон талого снега и коричневые шпалы, выпил чашку молока, потом взял с книжной полки «Мифы Древней Греции» и, усевшись в старое полукресло, принялся за чтение.

Кг8 – f6

Порнай Филира, растягивая скованное сном тело, заскользила по простыням. При воспоминании о прошедшей ночи гибкая красавица сжала бёдра, несколько раз перевернулась и, лёжа на животе, игриво заболтала ногами.

– Какой-то странный он, всё смотрит на меня и сказки рассказывает. А как только заканчивает говорить, начинаются ласки, и я просыпаюсь, – говорила Филира своей подруге, сидевшей рядом на кровати.

– Красивый? – спросила товарка, расчёсывая белокурые волосы Филиры.

– Да нет, необычный просто.

Служка принесла козы желудки, начинённые кровью с жиром, и овечье молоко. Стала разбрасывать по полу полынь, верное средство от клопов и блох.

– А что он тебе рассказывает? – Подруга провела ладонью по обнажённому телу.

– Он рассказывает, – Филира повернулась на спину и закатила в восхищении глаза, – что есть такой мир, где боги спустились с небес и поднялись из преисподней, и люди перестали их почитать; где вода заставляет пламя согревать тысячи и тысячи людей; где по небу летают железные птицы и ходят длинные змеи, живущие от огня и пара; где женщины с помощью магов и колдунов увеличивают грудь, губы...

– Не может быть! – воскликнула подруга, заворожённая этим рассказом.

– О, это ещё не всё, Мелисса. Там мужчины превращаются в женщин, а женщины в мужчин!

Мелисса раскрыла рот от удивления, щекой прильнула к загорелой лодыжке Филиры.

– Помнишь того философа из Кирены?

– Это того, у которого ничего не получилось? – засмеялась подруга. – Как он старался...

– Фу! Не вспоминай, я про другое хотела сказать. По его рассказу, когда-то очень-очень давно на земле жили три вида людей: мужчина-мужчина, женщина-женщина и мужчина-женщина. Но как-то раз древние боги решили разделить их на две половинки, и с тех пор люди ищут свои половинки, и не всем удаётся найти их.

– Так это что получается – наш Адриан, убажжающий мужчин, ищет свою мужскую половинку?

Подруга прыснула и пролила молоко из чаши. Белые капли упали на живот Филиры, небольшое углубление заполнилось, от него образовались пунктирные млечные лучи. Мелисса стала собирать их губами, смущая старика, делавшего в комнате ремонт. Пахло молоком, полыньёю и женским потом.

На доске при входе в дом были писаны имена жриц любви, напротив них, мелом, стояли имена мужские. Отдельно висела табличка, исписанная только мужскими именами. Сего-

дня больше всех желающих против себя имела Мелисса, и Филица по-женски даже чуть-чуть позавидовала подруге.

До приёма первых посетителей оставалось ещё много времени, Филица оделась и вышла в сад. Он находился во дворе двухэтажного дома, большого и просторного, расположенного в районе Керамик, где селились в основном гончары. Сам дом, до того как он стал публичным диктерионом, был собственностью одного зажиточного горожанина, у которого суд отнял его по доносу нынешнего владельца. Прямоугольный двор был богато засажен всевозможными деревьями, кустарниками и цветами, за которыми бережно ухаживали в своё время, но с момента смены хозяина сад запустел. Сейчас кое-где среди сорняков пробивались кудрявые гиацинты и лилии с лопнувшими бутонами, по стенам полз спутанными лозами виноград. Растущие тут смоквы, миндаль и оливы изобиловали плодами, которые хозяин не собирал из суеверных соображений, не позволяя и другим. Он был чужеземцем из Финикии; когда-то давно жрецы напороочили, что доведётся ему умереть от плодов сада чужого. Поэтому питался он только едой, привозимой финикийскими купцами или освящённой соплеменным жрецом, плавающим с единоверцами, которому, впрочем, не слишком-то доверял, так как тот брал с него немалые деньги за священнодействие. И в сад этот из каких-то тайных соображений, быть может вполне рациональных, хозяин жреца не звал.

Посреди выложенного плитами двора находился сложен-

ный из камней жертвенник Зевсу Геркейскому, которому давно никто не подносил даров, мох и трава облепили его. Около стены была свалена куча мусора, главным образом выброшенного с кухни, в ней спал закутанный в хлену человек. Фибира подошла к нему, присела на корточки, так, что у неё сильно напряглись икры, а через натянутую ткань хитона проступили великолепные ягодицы, стала с интересом рассматривать его лицо. Лысина, обожжённая солнцем, широкий лоб, крупный нос, невероятно густые усы и борода, подёрнутые сединой. Человек открыл глаза. Они были главной особенностью его лица, бриллиантово-голубые, спокойные глаза без страха.

– Ты чего опять в мусоре спишь, Деметрий? – спросила Фибира с улыбкой.

Человек присел на капустные очистки.

– Где мне спать, как не здесь? – ответил он и, не стесняясь, зевнул, показав гнилые зубы.

– А почему именно здесь?

– Люди меня называют отбросом за то, что я кощунственно отношусь к богам, вот я и лазаю сюда спать в очистках, чтобы не делать из них лжецов. Ведь, в сущности, мне ничего не нужно, кроме грубой пищи. – Он показал на очистки. – И солнца. Ну, может быть, ещё чтобы его не загоразивали.

Деметрий подвинул Фибиру.

– И тебе никогда не была нужна женщина? Ты был женат?

– Я был женат дважды, на одной и той же, с перерывом на

службу у Актеона.

– Что же это была за харита, сумевшая обольстить тебя?

– Философия.

Cf1 – c4

Я – домен: эукариот

царство: животные

тип: хордовые

класс: млекопитающие

род: люди

вид: человек разумный

Мне 35 лет, я из Москвы, делец среднего бизнеса, с неоконченным филологическим образованием. Полный банкрот. Такая вот ситуация... Но всё по порядку.

Моя фирма занималась продажей автозапчастей, главным образом для «Форда» и «Мазды», и дела шли неплохо. Магазинов с деталями для этих машин в городе довольно много, но в моём районе их нет вовсе, так повезло. Шли-шли дела до тех пор, пока не появился сынок префекта с идеей заняться тем же. Ну, ни о какой конкуренции речи, конечно, быть не могло, и мне предложили переехать, а после моего отказа прямо заявили, что я останусь без штанов. Очень скоро ко мне нагрянули в гости различные инспекции, от пожарной до санитарной, а последнюю торпеду в моё несчастное тонущее корыто пустила налоговая полиция. И я действительно остался ну разве что в штанах, но без фирмы, без квартиры и без жены. Теперь о жене. Здесь тоже всё обычно.

Устроилась ко мне два года назад хорошенькая секретарша-телефонистка из Белгорода. Носик у неё был чуть-чуть приподнят, глазки цвели фиалками, волосы были как на картине Шишкина «Рожь», фигуру, по-моему, выточили на токарном станке, рост был невысок. Мне сразу же понравилось, как она скромно опускала свои веерные ресницы и как в момент ловли её взгляда в лучистых глазах (теперь-то я называю их блядскими) чувствовался скрытый порок. Он и проявился, когда после рабочего дня я попросил её задержаться. Мы выпили белого вина, я стал, сначала как бы в шутку, рассказывать ей пластическую анатомию, проводя ладонью по разным мышцам, называя это географией тела. И, разумеется, начиная от довольно банально обозначенных мною бездонных озёр и высоких холмов, я стремился к месту, куда входит и откуда выходит жизнь. Назвал я его Внутренней Монголией. Она, конечно, чуть-чуть посопротивлялась моему прикосновению, сменив улыбку на серьёзное выражение лица, но в итоге я довольно быстро проник в эту самую «монголию». После трёх удачных экспедиций граница была закрыта. Это меня обескуражило. Я думал, что нашёл надёжный и недорогой источник секса, однако она повела себя как женщина, которая хочет выйти замуж: была со мной холодна, говорила только на тему работы, а когда я вспыхнул, на следующий день не пришла в офис.

В общем, я стал о ней постоянно думать и в итоге не нашёл ничего лучше, как прийти в её съёмную квартиру с золо-

тым кольцом. Она покочевряжилась с недельку, и мы пожевелись. Семья – это «миниатюрный коммунизм», так я сказал супруге.

Моя теперь уже бывшая жена в медовый месяц очень хотела отправиться на остров Баунти, реклама её любимого шоколадного батончика сделала своё дело. Каково же было наше удивление, когда выяснилось, что Баунти – это целая россыпь холодных скалистых островков между Австралией и Антарктидой, а доступ к ним разрешён только научно-исследовательским экспедициям. Но к счастью, такими дураками оказались не только мы, оператор в турагентстве уже сталкивался с этой ситуацией. Он сразу предложил нам место, где, собственно, и снимался ролик батончика. Этим местом оказался тайский остров Самуи, туда мы и отправились.

Райский уголок, что и говорить. Целый месяц песка, пальм, солнца и коктейлей. Жена не расставалась с улыбкой, то и дело целовала меня, что даже слегка поднадоело. Сколько раз мы пытались предаться любви в море, не сосчитать, хоть режьте, наверное, у нас в конце начали прорастать плавники, так часто мы были в воде.

Но всё заканчивается, подошёл к концу и сказочный отпуск. Сейчас, правда, воспоминание о нём вызывает скорее отвращение, чем радость, ну а тогда глупое счастье обуяло меня.

А по возвращении в Москву всё это и началось. Осенью, через два месяца боёв и судебных разбирательств, на удив-

ление скорых, придя домой уже с достоверной информацией о закрытии магазина и огромных налоговых штрафах, я решил всё рассказать жене. До этого ничего ей не говорил, надеясь, что всё обойдётся.

– Приве-ет, лапик. – Она подбежала ко мне и нежно обняла.

– Тань, у нас проблемы, привет. – Я чмокнул её.

– Что такое?

– Пойдём сядем.

Мы пошли в гостиную, где можно было сесть в удобные кресла и выпить крепкий кофе. Таня присела ко мне на колени. Я вкратце сказал ей, что нашей фирмы больше нет, нашего счёта в банке тоже, а нашу квартиру придётся продать. Жена, естественно, спросила: «В чём же дело?» – и я ей всё подробно объяснил. Реакция Татьяны для меня была абсолютно неожиданна – она вдруг зарядила мне такую пощёчину, что чашка с арабикой пулей вылетела из руки, а из носа струйкой побежала кровь. Затем были крики с обеих сторон, по-моему, я назвал её потаскухой, лживой овцой, деревенской курицей, она же вполне резонно назвала меня импотентом, у меня действительно после тридцати не всегда получалось. И, конечно, классическое:

– Развод, сука!

Потом Таня собрала свои вещи, прихватив подаренные мной драгоценные побрякушки, и уехала. Куда? Не знаю и не хочу знать. Впрочем, я успел к ней привязаться, хотя и

понимал, хитрая она.

И что прикажете теперь делать, начать всё сначала, а пока почитать хорошую книгу? Нет. Ничего не хотелось, жизненных сил не было. Только атрофия воли. Ночью я капитально напился в одиночестве, сидя на подоконнике и глядя на фонарный столб, мигающий азбукой Морзе, потом выбежал на свою Затонную улицу и, кажется, искал аптеку, что было совсем бессмысленно, потому как её на улице и в помине не было.

И вот, продирая глаза, я не понял, где нахожусь. Какая-то грязно-розовая стена, кафельный пол, вкус хмельного полураспада во рту, ступеньки... точно – лестничная клетка. Наверно, я так и не добрался домой с улицы, но почему здесь подушка? На стене была отпечатана цифра 5, я жил на цифре 6. Поднявшись на свой этаж, с удивлением обнаружил, что дверь в квартиру приоткрыта, видно, не закрыл вчера. Воровато озираясь, я зашёл в собственное жилище. В холле сидел мой сосед по этажу Леонид по кличке Джонни, пятидесятилетний рокер, непонятно чем занимающийся, из поколения, ценившего американские джинсы очень высоко, особенно с аутентичным кожаным лейблом: тем, что с двумя погонщиками мулов. Он сидел в своей потёртой косухе на диванчике и читал газету. Заметив меня, он включил звук:

– «Звезда Голливуда Хлоуи Миламс Ли, чьё среднее имя досталось ей в честь супермаркета, в который любили ходить её родители, предложила вывести породу детей...», –

хм... детей, – «...чьё развитие ограничивалось бы двухлетним возрастом, в котором бы они и оставались, не старея. “Многие любят детей старшего возраста, но все обожают малышей, они чисты и не знают зла, – цитирует её слова таблоид, – было бы замечательно, если бы генетикам удалось получить такого маленького человечка”. Хлоуи выразила мысль, что созданного ребёнка можно передавать от одной бездетной паре к другой. “Этот малыш мог бы осчастливить множество людей, спасти от депрессий и подарить тепло, удовлетворив родительский инстинкт”». Вот это да! Как тебе, Володь?

– Привет. – Я прислонился к стене, гадкие мысли о вчерашнем начали медленно ворочаться.

– А ты чего с подушкой под мышкой?

– А ты чё с душком под мышками?

Странно, но меняхватило на такой каламбур.

– Да ладно, к соседке ходил? К какой?

– Лучше не спрашивай.

– Значит, к Нине Михайловне! У неё ж муж на фронте погиб!

– Пустозвон ты... Иди к себе. – Прямо в обуви я пошёл в ванную умыться.

У меня большая ванная, с джакузи, с подогревом пола, с сушилкой и прочей ерундой. В помещении стояла ужасная вонь, на полу валялись осколки разбитого флакона «Диор». Ничего такого я не помнил, так как это произошло уже после

затмения мозга. С трудом узнав себя в зеркале, я освежился холодной водой и пошёл на кухню, надо было как-то утолить жажду. В гостиной, куда перебрался Леонид, был включён телевизор, сосед явно не спешил меня покинуть. Резко открыв холодильник, так, что он чуть не упал на меня, я обнаружил в его нутре искомую минералку. Взял прозрачную бутылку, секунду думал: наливать в стакан или пить из горла? – но вспомнив, как Танька любила порядок, воткнул горлышко в рот.

Часы на кухне остановились и показывали несусветное время; я вспомнил, что как-то Таня рассказывала мне про свой фирменный знак расставания – вынимание батареек из часов перед уходом.

Шумно напившись, я зачем-то взял со стола блюдо с печеньем и пошёл в гостиную. Пища была противна. Квартира после вчерашнего урагана напоминала тарелку во время еды.

По телевизору шла передача «Успешные люди», известный актёр откровенничал, как ему было тяжело сниматься в очередном сериале, ведущая, как казалось, заинтересованно слушала, и только опытный глаз мог бы заметить, что она равнодушна и к лицедею, и к его повести.

– Ну, рассказывай, что случилось. – Леонид пододвинул креслу, в котором сидел, зеркальный столик на колёсиках и, взяв штоф с коньяком, налил его в два толстенных стакана.

– Поставь коньяк на место и выключи телик. – На серьёзную злость у меня не было сил, я безвольно плюхнулся во

второе кресло рядом с соседом.

– Ты не серчай, я хочу как лучше. Вот тут нашёл записку на столе...

– Отдай сюда!

Он передал мне кусок мятой бумаги, на которой я вчера по пьяни что-то накалякал. «Жизнь проиграна, я сделал ставку и всё потерял...», – дальше в том же духе, в конце: – «...будьте вы прокляты!»

– Если ты читал эту чушь, значит, нечего тут объяснять.

– Нет, есть! Жена ушла – понятно, разорился – понятно, всё отнимут – понятно. Но что ты собираешься делать дальше?

– Сдохнуть...

После паузы я всё же решил выговориться:

– Ты пойми, я полный неудачник. Хотел стать писателем, а кем стал? Полюбил корыстную тварь и остался один, были деньги, теперь нет, на могиле у родителей с похорон ни разу не был, брат от рака умирает в больнице... Плохой сын, муж, брат, слава богу, не могу сказать, что плохой отец, конченный, никого не любящий кусок. Да и меня никто не любит. Нет ни женщины, ни друзей, ни дела, ни родных, так что всё правильно: только сдохнуть! – Огненная жидкость опрокинулась внутрь.

– Я понял, но это всегда можно успеть. – Сосед осторожно налил мне и себе ещё коньяку. – Да и к тому же тут главное не спешить с выбором, так сказать. Вот ты считаешь меня

старым говнюком-рокером, а я тебе вот что скажу.

Он зачем-то встал.

– Шопенгауэр говорил, что нигилисты могут пренебрегать всем, потому что способны без сожаления отдать жизнь в любой момент, это их оправдывает.

– Н-да, не в труде просрёшь ты время своё. Тебе совсем... людей не жаль?

– Мне никого не жаль, я вообще не верю в одушевлённость людей, просто потому, что не могу представить, что они делают, когда я их не вижу. Но у меня есть цель, я стараюсь прожить жизнь как можно незаметней. Потому как уже давно понял, что в этой мне ловить нечего, и я жду следующую.

– Так поторопи её.

– Нет, не могу, самому уходить – портить карму.

– Надеешься на удачную реинкарнацию?

Тут внезапное раздражение подкатило навозным комом.

– Долго ещё будешь херню нести?!

– Я помочь тебе хочу, карма твоя всё равно испорчена напроць, быть тебе насекомым, это как поссать после пива; так лови момент, Вован! Просто протянуть копыта – это не сексуально, подойди к делу творчески. Если помирать, то так, чтоб всем чертям было тошно. А у тебя что? Слюни с соплями, и больше ничего.

Крепко обматерив его, я услышал в ответ ту же хамскую ересь и, не выдержав, запустил в него керамическую пепель-

ницу со стола, сосед пригнулся, расторопно прихватил бутылку и выбежал.

Оставшись в одиночестве и с некоторым удовольствием развалившись в кресле, я стал смотреть в картину на стене, или на картину в стене. Это была приобретённая по случаю, за круглую сумму, живопись Николая Суетина, называлась она «Чёрный квадрат», антиквар утверждал, что этот квадрат был написан раньше малевичевского. На стекле картины играли блики, и она казалась радужным садовым окошком. Постепенно это окошко стало надвигаться и темнеть. Тут в голове начали бегать тараканами обрывки фраз, которые я читал или слышал. Вот подходит офицер с Георгиевским крестом:

«Следовало бы застрелиться...»

За ним персонаж с усиками и в кепке набок:

«Повесился на собственных подтяжках в сортире...»

Мужчина-репортёр с элегантной щетиной:

«Мозги разбрызгались по асфальту разноцветной мозаикой...»

«В лёгких обнаружено присутствие глицерина...» – говорит доктор в белоснежном халате.

Женщина с размазанной тушью:

«Стеклянные глаза выражали удивительное умиротворение...»

Толстый поп начал басисто:

«В красной ва-анне...»

– Нет, всё! Он прав.

Я встал и вытер диванной подушкой лицо. Скинув вчерашнюю грязную одежду и нацепив на себя всё лучшее, я вышел на утреннюю московскую улицу.

«Ничего... заначенные деньги взял, не отдавать же их, время пусть немного, но есть; теперь туда, где никогда не был, второй попытки не будет».

Kf6: e4

Студенистая жижа шмякнулась на медную пластину, смазанную жиром. Десять больших оранжевых кругляшков шипели на нагретом солнцем металле. Щепотка морской соли посыпалась вперемешку с соломой и тмином на жарившиеся гусиные яйца.

К подножию горы у древней дороги стягивались люди, обмотанные старыми, выцветшими плащами-хленами. Обувь у большинства отсутствовала, лишь у некоторых можно было увидеть стоптанные сандалии. Бороды белели, выделяясь на бронзовых шеях. Подсаживаясь к жаровне, они выбирали камни поплотче, некоторые стелили циновки, принесённые с собой. Кстати захваченный кожаный бурдюк ходил по кругу, люди делали большие хищные глотки, рубиновые капли падали на бороды и тут же впитывались в них, как в губку. Вино утоляло жажду, терзавшую всех собравшихся.

– Кажется, уже готово, – сказал человек, стряпавший пищу, и развязал мешочек с печёными желудями.

– Ишь засутились, не терпится начать симпозиум. Где же ваше проповедуемое воздержание? – произнёс мужчина средних лет, завернутый в потрёпанный гиматий.

– Сам-то ты зачем приковылял, Эсроп? – полюбопытствовал седовласый старец.

– А я никогда не лицемерил и всегда говорил, что желудок

бежит впереди разума.

– Тут ты как раз ошибаешься, – вмешался в спор самый молодой из собравшихся, Аристарх. – Разум есть центр, который руководит всеми членами тела, в том числе и желудком, всякое действие от него.

Смех старика Дионисия, сидящего рядом, прервал рассуждения молодого учёного.

– Это что же получается, если справляешь нужду или рукоблудствуешь у всех на виду, как Деметрий, то руководишься разумом?

На нитке синего горизонта появились чёрные точки. Вскоре стали различимы три силуэта на лошадях.

– А действительно, Деметрий, зачем ты возмущаешь народ этими жестами, ты что же, не можешь взять женщину? – спросил софист Гаян.

– Не хочу я, как ты, платный философ Гаян, или как ты, пытливый Аристарх, или даже как ты, старый, немощный мужской силой Дионисий, покупать то, что бесценно. А шептать в уши любомудрые слова и примешивать комплименты мне стыдно. Мне вообще стыдно делать красивое. – Он вытер сальную руку о ткань.

Трое из собравшихся положительно кивнули, двое улыбнулись, подумав о чём-то своём. Помолчали.

– Хочу задать вам задачу, – нарушил тишину Филимон, человек средних лет с огненной копной на голове. – Как вы думаете, какой мул идёт охотнее: гружённый тюками или на-

легке?

Филимон поглядел на собеседников одним глазом, второй у него был подбит в драке.

– Очевидный ответ не всегда верный. – Дионисий осколком гранита нацарапал трапецию.

– Грузёный мул или нет, он идёт охотнее, если ему подвесить морковку, так что всё зависит от неё. – Гаян кинул камешек в Аристарха.

– Тот мул идёт бодрее, которому дали плетей, так скажет наш начальник городской стражи, и будет прав. – Кусочек скалы отскочил от головы Эсропа.

– Ай! Тебе тоже глаз выбить? – гаркнул ушибленный, потирая макушку. – Животные лучше людей, они, по крайней мере, больше молчат.

– Ну, а что ты хотел сказать этим вопросом, Филимон? – Оловянный слиток то поднимался, то опускался в ладонь Деметрия.

– Мул, шедший налегке, встретил осла, гружённого тюками. Осёл был весел, и мул спросил: «Чему ты радуешься, глупец? Ведь тебя навьючили и погнали с поклажей?» Осёл ответил: «Я знаю свою ношу и иду её сбросить, а ты идёшь, чтобы её получить, и неведомо тебе, какова она будет».

– Нашёл тоже мудрого осла, – посмеялся Гаян.

– Надо запомнить, – задумчиво протянул Эсроп. – Где твой пёс, Деметрий?

– Пропал. Наверное, издох.

Мимо философов, покрывая их пылью, пронеслись три всадника на взмыленных конях.

– Вернулись из Дельф. Теперь будет собрание, толпа верит в предсказания, – отряхивая бороду, молвил Дионисий.

Фd1 – h5

В конце апреля начиналась жизнь. По волокнам поднимались вверх, от земли до неба, сложные токи минеральных веществ, напитывали витальными силами клетки. На кончиках веток начинали образовываться почки, покрытые нежными чешуйками. Сырая кора источала особый неповторимый аромат живицы. Это был счастливый год семяношения, пять лет ель ждала его.

Рыжая белка, уже тысячная по счёту, устроившая себе гнездо в развилке сучьев, принесла приплод. Ели очень не нравилось объедание белкой цветочных почек, из которых должны были образоваться новые иголки, но что она могла сделать...

Единственным средством борьбы была смола, да и то против насекомых, пытавшихся прогрызться сквозь кору. Многие застыли навечно в слезах дерева, чтобы через миллионы лет превратиться в часть янтарного камешка. Но то была лишь малая толика, от которой получилось защититься; жуки, которым удалось пройти главный барьер, уже отложили свои яйца. Только одному дереву было известно, сколько узоров оставили под корой тысячи и тысячи личинок, какие фантастические рисунки нанесли, сколько километров ходов вглубь древесины прорезали упорные черви.

Ель страдала от этого, ей было плохо, но она росла рядом

с другим деревом, древним дубом, много старше её, и она видела, что случилось с ним. Огромный ствол сплошь был покрыт лишайником, губастые грибы-трутовики сверху до низу облепили тело дуба. Дуб умирал. И собственные недуги казались ей ничтожными.

Ель помнила ранними кольцами, как в глухом лесу она пробивалась из семени матери, как на её неокрепший ярко-зелёный побег наступил копытом кабан, и сколь трудно потом набирались силы. Её душили с разных сторон: выросшая из далёкого семечка молодая калина – ель победила; кусты крушины вили ветви над ней – ель пробилась сквозь них; сёстры из материнской шишки – ель оставила их далеко позади в борьбе за солнце.

Деревья и кустарники менялись вокруг, и только ель с дубом помнили, как всё начиналось колец пятьсот назад, на клочке земли, дарованном им природой. Теперь от росших рядом деревьев остались только пни, покрытые мхом и ужасными грибами, опятами. Ель страшно боялась их, жуки-древоточцы были ничто в сравнении с ними. Она видела, как погибали соседи, как они сначала зеленели, потом валялись, трескаясь у основания, как покрывались синевой, и сотни охристых шляпок радостно вырастали на гниющем древесном теле.

Вот уже сколько времени под елью не росло ничего, тень пушистых ветвей не позволяла проникать лучам жизни, и только добрые полезные грибы, под землёй образуя тончай-

шие нити мицелия, выдавали наружу свои плоды. Сквозь павшую хвою пробивались коричневые шляпки на толстых ножках, лимонно-жёлтые крапинки, тёмно-бордовые вогнутые маслянистые круги. Многие из них помогали ели, обволакивая её корни своим пухом. Забирая излишки питательных веществ у дерева, грибы давали полезные соединения, улучшали всасывание воды корнями. Во многом благодаря этому ель пробилась к небу.

Однажды, на самых ранних кольцах, случилось страшное. Небо почернело, резко подул сильный ветер, ель это почувствовала по раскачиванию растущих рядом гигантов, их корни пришли в движение. Скоро молния осветила лес, птицы смолкли, белки в ужасе запрыгали по веткам. Возник губительный смерч. Этот убийца завертелся среди деревьев; вверху по кругу ходили угольные тучи. Первым не выдержало материнское дерево. исполинский колосс, вырывая корнями куски земли, начал крениться набок. Молодая ель чувствовала, как цеплялась остатками корней за почву мать; может, она ещё останется жить? Подземный треск говорил об обратном. Разрывая последние узы, связывающие дерево с жизнью, огромная ель, треща и ломаясь, с грохотом рухнула на землю, придавив собой небольшой клён. Длинный ствол, омываемый ливнем и засыпаемый снегом, на несколько десятков колец дочерней ели стал питательной средой для разных паразитов. На тонком стволе каплями выступила смола. Дальше настал черёд тёток, одна за другой упали они рядом

со своей сестрой; сбивая ветви соседей, они только чудом не задели уже тогда мощный дуб и молоденькую ёлку.

Ураган длился недолго, дождь сменил ливень, и к утру всё прекратилось. Когда рассвело, на пяточке, где гулял смерч, всё было искалечено. Некоторые деревья, падая, зацепились за сухостой, и эти мёртвые стволы, выдержав бурю, держали уже, казалось, обречённых. Мёртвое спасло живое. Остальные же деревья, которым посчастливилось пережить бедствие, стояли голые, с облетевшими листьями и обломанными ветками, бесшумно обдуваемые ветром. Повалившиеся ели с раскисшей глинистой землёй на корнях открыли нижние слои почвы. В этих ямах собралась вода, в которой уже забурилась жизнь. Ель, видя из года в год останки старших деревьев, понимала, что своим ростом обязана их гибели.

Ке4 – d6

Город наполнился смехом, радостными криками и весёлой музыкой. Приехали посланники из Дельф, от Пифии, ездившие туда за пророчеством о возможной грядущей войне. Перед толпой народа на холме Пникс торжественно зачитали слова оракула:

«Вижу костры и дым до небес, близок пасти чудовища жар.

Будет такое, когда эллинок станут в свиней превращать чужеземцы».

Когда эти прорицания услышали собравшиеся, раздался общий крик радости; никто, конечно, не мог предположить, что свободных эллинок может превратить в животных не гнев богов, а какие-то чужеземцы. Тем более что даже за похищение женщин прощения ни персам, ни любым варварам не было, и многие войны начинались из-за этого. Только вечно сомневающийся скептик Дионисий, подойдя к Эсропу, сказал:

– Так ли надо истолковывать слова Пифии, что наших женщин обязательно будут насильно похищать, увозить на чужбину и там превращать в животных?

А Деметрий, поглаживая на руках котёнка, заметил всем:

– Я бы на вашем месте придавал значение этим басням, только будучи дураком. Держи, Эсроп. – Деметрий протянул ему мяукающий комок.

На мраморном столе лежала обнажённая женщина. Тело её было завалено различной снедью: на лопатках были разбросаны пучки зелени и пряности, часть спины занимал сосуд с вином, поясницу лоснили жиром куски коричневого мяса, на ягодицах истекали соком бархатные ломти египетских арбузов, в ложбину сдвинутых ног были высыпаны резанные кусками яблоки и груши; тут и там между яствами рассыпались изюм и оливы вперемешку с мидиями.

Плотный мужчина, сидевший возле живого стола, прищурил умные глаза. Его могучую фигуру, ничем не прикрытую, кроме собственной шерсти, покрывали в области живота, левой груди и правого предплечья странные точки. Они располагались рядами, крупные, средние, мелкие, казалось, они были нанесены хаотично, но приглядевшись, можно было увидеть определённый ритм.

Толстые губы жизнелюбца задвигались:

– Я позвал тебя, Филира, чтобы ты поделила со мной трапезу на этой скатерти, – произнёс, чуть коверкая фразы, человек. Покручивая чёрную бороду, он жестом предложил сесть с ним.

Филира, войдя в покои хозяина, сразу узнала свою подругу, на которой сейчас происходил пир. Теперь она стояла в

растерянности, глядя, как живая скатерть с воткнутым в рот яблоком умоляюще смотрит на неё. Хозяин сделал жест рабу-нубийцу, стоявшему у стены, и тот быстро усадил Филлиру на скамью.

– Что ты так невесела, или, может, тебе её жаль? – Он снова махнул рукой нубийцу. Тот вырвал яблоко изо рта женщины.

– Скажи, Мелисса, за что я оказываю тебе такие почести?

– Я не знаю, хозяин! Неужели за то, что я не захотела спать с этим мерзким, похожим на жабу человеком? – спросила Мелисса сквозь слёзы.

– Кого ты называешь жабой?! Могущественного горожанина, того, кто поможет мне приобрести ещё больше домов и расширить моё публичное дело!

Он ткнул её в бок коротким ножом, выбилась струйка крови; Мелисса, дёрнувшись, вскрикнула. Только сейчас Филлира заметила, что тело женщины во многих местах порезано, и из ран течёт кровь.

– Пошелохнёшься – прикажу забить кнутом до смерти. – Знак рукой, и нубиец вставил яблоко в рот.

Хозяин ловко, двумя ножами, одним придерживая, другим режа, отхватил шмат мяса, оставив полосу от пореза на спине. Мелисса еле сдержалась, чтобы не дёрнуться.

– С кровью любишь? – спросил он, протягивая кусок Филлире.

– Отпусти её, хозяин, я подарю тебе такие ласки, которые

не дарила ни одному мужчине.

– Ты мне и так подаришь всё, что я прикажу, – хохотнул хозяин и, запустив жирные пальцы меж ягодиц Мелиссы, извлёк оттуда маслинку. – В моей стране женщина не рассуждает, а выполняет всё, что ей скажут. – Он зачерпнул киафом вино из сосуда и протянул его Филире.

«Ну погоди же, самодовольный варвар, я тебе отомщу», – подумала Филира и приняла чашу с вином.

– Какие странные у тебя письма, хозяин. – Она притронулась кончиками пальцев к груди мужчины.

– Любая другая была бы наказана огнём, но жаль уродовать такую искусницу любви, поэтому я тебя прощаю, более того, оказываю великую честь, разрешаю называть меня по родовому имени. Вот так будет по-вашему? – Он ножом стал вырезать на бедре Мелиссы имя.

– Прошу, остановись, напиши соком. – Филира откусила кусочек черешни и протянула ему.

Улыбаясь, хозяин вывел бордовым: «Махарбал».

– Так тебе нравятся письма на моём теле? – спросил Махарбал, обнимая женщину.

– Да, и прежде всего своей необычностью. Что они означают?

– Ишь чего захотела – чтобы я открыл тебе тайну священного текста! Никто, кроме моих учёных соплеменников, не может прочесть эту надпись, её нанёс всемудрый жрец.

– А если я прочитаю надпись, ты отпустишь меня с по-

другой?

– Ха! Как ты можешь её прочитать? Это могут только посвящённые моей земли, да и то не все.

Помолчав некоторое время, финикиец, теребя пальцами густую бороду, вырвал волосок и, щекоча им нос Филицы, сказал:

– Ладно! Если разгадаешь хотя бы то, что начертано на груди, получишь свободу вместе с этой недостойной и в придачу столько драхм, сколько покроет ваше тело. А если нет, – хозяин похлопал по залитой вином спине Мелиссы, – заставлю съесть эту потаскушку.

Бедная женщина, услышав такое, в ужасе округлила глаза. Филица же, наоборот, внешне сохранила спокойствие, только до боли сжала пальцы на ногах.

– Дай мне три дня, Махарбал.

Сс4 – b3

Выйдя из подъезда дома, я попрощался с квартирой, которая, без сомнений, скоро будет конфискована. Осенняя улица надела на меня заляпанные грязью жёлтые очки, и я сразу растерял ту мизерную бодрость, которую имел. Завертели губительные мысли: «Что делать дальше? Куда идти?»

На радость, помог случай. Трубный звук проходящего наземного метро ассоциативно навёл на мысль.

«Точно, поеду в аэропорт, куплю билет – и куда глаза глядят, на край России, а значит, и земли».

Поймав такси, я решил поехать в Домодедово и там разобратся, в каком направлении лететь. По пути к означенному месту у меня случился дикий приступ голода. И я нетерпеливо остановил такси у ближайшей харчевни на Каширке. Войдя в довольно чистую ресторацию, выбрал местечко поближе к бару. Присаживаясь на стул, почувствовал своим нетвёрдым местом что-то мягкое и мокрое, в ту же секунду раздался крик. В испуге я отскочил от стула, на котором оказался хомяк или зверёк, похожий на него. От соседнего столика прибежала пухленькая девочка, лет десяти, взяла своё животное, которое оказалось плюшевой игрушкой, и сердито, а главное больно, наступила мне на ногу каблукочком своей туфли. Я не удержался и дал ей подзатыльник. Мгновенно поднялся внушительный мужик, сидевший с этой девчон-

кой, и надвинулся на меня.

– Ты чего делаешь, козёл? – спросил он мясным басом, хватая лацканы моего пиджака.

«Следы высолов», – автоматически подумал я, глядя на его футболку. Уксусный запах мужчины смешивался с ароматом каких-то благовоний. У меня хорошее обоняние, иногда мне это вредит. Возникло огромное желание вгрызться зубами в коричневый нос, но тут послышался неразборчивый окрик, и мужик, отпустив пиджак, ушёл вместе с маленькой поганкой в дальний угол кафе. Я сел.

Ко мне сразу подошла официантка с блокнотиком; молодая и явно южных кровей, а главное, сверхпривлекательная.

– У вас тут так принято? – спросил я, нагло осматривая её с ног до головы.

– Что принято? – безупречно улыбнулась она.

– Да ладно... принесите мне лучше борщ и желудочный сок.

– С удовольствием. – Повернувшись ко мне задом, к стойке грудью, официантка передала на кухню заказ.

Как же хотелось шлёпнуть её по попе, но я почему-то соблюдал правила приличия.

В углу работал телевизор, по нему вещал оппозиционный канал: «Вот уже неделю продолжается сухая голодовка тушинского правозащитника Михаила Азимута, по данным его адвоката, сегодня, чтобы не умереть, он был вынужден выпить стакан чая...»

Догадливая официантка подала двести водки в стандартном запотевшем графинчике и одну рюмку.

– А почему одну, разве нас не двое?

– Шутите, мне запрещено, – кокетливо задвигала она плечами.

– Анжела, – я решил, что ей пойдёт это имя, – у меня сегодня особенный день, впрочем, и вчера был, но сегодня совсем. Посидите со мной чуть-чуть.

– Хорошо, – неожиданно согласилась она, – только борщ принесу.

Рука невидимого повара протянула тарелку из кухонного окошка.

– Борщик. – Анжела села со мной.

– Да... если бы у меня была ресторация, я бы наряжал официанток в длинные изящные платья, а эту блузку и юбку стоит надеть на вашего хозяина.

Она повела пальцем по графину и повернула ко мне. Там был кривой смайлик.

С минуту я бездарно молчал, ел и пил. Потом прорвало.

– Вот, Анжела, живёшь, занимаешься чёрт-те чем, вроде всё имеешь, а потом – бац! и всего этого нет. Знаешь, я как-то видел муравья, тащащего гусеницу в разорённый муравейник. Понимаешь? Муравейника нет, а он тащит... Если сравнивать себя с муравьём, то всё ещё хуже. Он в более выгодном положении, ему не надо думать, а мне постоянно приходится. Правда, нет муравейника – нет цели, зато всё

просто. Моя схожесть с этим муравьём – в отсутствии цели.

Рупор надрывался новостями: «В Швейцарии домашний робот SDR 6X совершил попытку изнасилования престарелой женщины, неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не её подоспевший муж, своевременно выключивший пультом андроид...»

– Человек, желающий умереть, крайне равнодушен к жизни. Будь он к ней равнодушен, совершал бы подвиги, делал бы безумные поступки, правда, на это нужна воля, как у партизана. – Я помолчал и продолжил: – Лично мне сейчас интересна только смерть. Какова она и что после неё? Если там есть продолжение, то тогда не страшно, а если всё обрывается, то куда денется моя память и окружающее, вот ты, например. Перейдёт в другое качество? Станет частью мирового пространства, бесконечного космоса?

Стало стыдно от глупого пафоса, и я махом допил водку.

– Вернуть бы солнечное детство, когда всё впереди – и первая женщина, и первое похмелье, и заоблачные мечты. Наверное, можно прожить жизнь радостно и счастливо, только для этого надо умереть ребёнком.

Официантка не поддерживала беседу, смущая меня красивой внешностью. И конечно, с ней следовало говорить о другом, но я безрадостно продолжал всё о том же.

– Странно, но почему-то очень не хочется помереть позорно; как мне рассказывал знакомый мужик-автослесарь, сидевший на зоне, там один зэк умер во время онанизма,

сердце не выдержало, представляешь, член ещё работает, а сердце уже остановилось...

– Вас как зовут? – наконец спросила женщина.

– Эмир Кустурица.

– Эмма. Тебя жена бросила?

– А-а, всё просто... ну, да, так и есть. Ещё двести принеси.

И опять попа, и снова я воздержался.

– Только не удивляйся, покажи ногу, то есть стопу. – Эмма села ко мне поближе.

– Зачем?

– Ну, покажи, не бойся, здесь никто не увидит. Я гадаю по стопе.

Я снял туфлю и серый носок. Она взгляделась своими огромными тёмно-карими глазами в мою кожаную подошву.

– Ясно...

– Ты будешь работать или нет! – вдруг заорал давешний мужик в углу.

Эмма ответила ему на незнакомом языке, я разобрал только мат.

– Может, его отп...

– Не стоит, лучше я тебе скажу кое-что интересное. – Она накрыла мои кисти своими ладонями. – Ты – урим.

– Дальше.

– Если проще, то медиум. Ты можешь видеть и слышать то, чего никогда не смогут другие. – Эмма не отрываясь смотрела мне в глаза, так что становилось жутковато.

– И чего мне с этим делать?

– Сам ты ничего не сделаешь, тебе нужен проводник. Вот что. – Она обернулась, поглядев на висевшие часы. – Моя смена кончилась, пойдём со мной, только я быстро переоденусь.

Женщина встала и юркнула под стойку. Странное чувство захватило меня, затмившее все переживания и впечатления последних дней.

Осмотревшись вокруг, я увидел только скандалиста с пухлой девочкой, они, надувшись, сидели в углу у пустого столика. Больше в кафе никого не было, за время моего присутствия в него никто не заходил. В графинчике плескалось ещё грамм сто. Выпил я много, однако, учитывая вчерашнее возлияние, опьянение было несильное, у меня всегда так. Я налил себе ещё рюмку, тут как раз Эмма выскочила из-под стойки.

– Давай выпивай, и пойдём. – Она схватила меня за руку.

Не могу не отметить её наряд: чёрно-жёлтая юбка с византийским орнаментом, помню, видел такой в отцовской книжке, он у меня был архитектор, и серый платок с рукавами, покрывающий голову, не знаю, как называется.

Уходя, я краем глаза заметил, как девочка положила своего зверька на мой стул.

– А зачем она это делает?

– Лучше не спрашивай.

Мы вышли на улицу и обошли дом, в котором располага-

лось кафе. С тыльного фасада имелась деревянная дверь с мутной табличкой советских времён, понять, что на ней значилось, было нельзя. Моя спутница бесшумно открыла её загодя приготовленным ключом. Раскрошенные бетонные ступеньки вели вниз, обрываясь темнотой. Пахло, как ни странно, свежестью озона. Женщина спустилась чуть вниз, пошарила рукой по стене, находя выключатель. Тусклое освещение где-то внутри не дало представления о помещении. Она сошла ниже, обернулась ко мне, приглашая последовать за ней и закрыть дверь. Стыдливое чувство страха, возникшее поначалу, сменилось презрением к нему. Я прикрыл дверь, которую, как мне показалось, кто-то снаружи запер. Слыша еле уловимый, знакомый запах по ту сторону входа, я стал спускаться вниз. На шестой ступени я вспомнил его, это был дух посетителя кафе.

Cf8 – e7

Я – домен: эукариот

царство: животные

тип: хордовые

класс: млекопитающие

род: люди

вид: человек бессмысленный

Всё это ложь! Никакого бизнеса, никакой жены у меня и в помине не было. И ничего такого волшебного, типа встречи с Шамаханской царицей, тоже! Тошнота!!

Жизнь моя самая обыкновенная: школа со средним результатом, откос от армии, год безделья, строительный техникум, работа от случая к случаю. Личные качества тоже так себе, много вру, много пью, иногда пробую наркотики. С бабами постоянная ротация. Подленько вспоминаю сейчас, как одну по-настоящему любившую меня девушку заставлял делать всякие гадости, а потом мерзко бросил. Когда вижу девчонку с парнем со спины, то радуюсь, обойдя их, если она оказывается страшной. Родители у меня довольно заурядные: мать – машинистка на пенсии, отец – дорожный инженер, тоже на пенсии, но совмещает её с работой. Познакомились они на каком-то строительстве, в каком-то СМУ, так вместе и стали пахать. У меня есть старшая сестра,

с которой я почти не вижу, она рано вышла замуж и уехала в Питер к мужу. Живу с родителями, в последнее время исключительно на их деньги, ору на них, когда мне делают замечание насчёт работы. Тусуюсь с друзьями-гопниками, с пьяными или обдолбанными девками, бренчу на гитаре, последнюю книгу прочитал полгода назад, Стивен Кинг, «Грузовик дяди Отто». Вот и всё.

Как обычно, я встал в десять часов, ненавистно скомкал простыню с одеялом, кинул вместе с подушкой в шкаф. Сходил в туалет, стульчак я не поднял. Моча сегодня была светло-жёлтая, а не тёмно-оранжевая, это потому что вчера был трезвый день. Опухшую рожу так не хотелось брить, но, пересилив себя, я сделал это. Да, конечно, двадцати пяти мне не дашь, скорее тридцать пять. Но фигура пока в порядке, всё-таки долго занимался спортом, даже второй разряд по бегу получил.

На кухне мама стряпала блины, буркнув «доброе утро» и не получив ответа, налил себе чай, достал из холодильника колбасу и уселся жрать.

Мама молча села напротив и стала не отрываясь смотреть мне в глаза. Её всегда уставшие очи увядшей красавицы выражали упрёк. Терпеть этого не могу, так как понимаю, кто из нас прав. Не доев бутерброд, я, чертыхнувшись, встал из-за стола. Уйдя к себе в комнату, включил компьютер, но интернет отрубили за неуплату, и я в раздражении отомстил неповинному компу, вырвав штепсель из розетки. В окне

была умирающая весна, но долго стоять и смотреть на тошнотворно изученный гольянов-ский двор было погано, поэтому, взяв гитару, я стал наигрывать мелодию, подслушанную у Muse, не знаю, как называется. Перебирал струны и думал: «Ничего хорошего не маячит, даже интересного не предвидится... может... вечером к Светке напроситься и наконец её трахнуть, только винаща ей побольше влить... а деньги где?.. Да-а... Туго! Мать бабла совсем не даёт... занять?.. Да кто даст... или гопнуть кого... так как? а? Выбор всегда есть, как на копчике у одной знакомой было набито... хотя какой тут выбор... Раньше, учась в школе, жил от выходного до выходного, потом занимался бегом, футболом и жил от матча до матча, бросил, начал жить от пьянки до пьянки, дальше от пьянки-свидания до пьянки-свидания, зашибись житуха!.. Эх, найти бы бабу, пусть в возрасте, но с квартирой ближе к центру, желательна обеспеченную, и переехать к ней... А-а, хорош, всё нормально, надо с деньгами что-то придумать».

Звонок нарушил и без того разбитую цепь моих мыслей. На мобильном высветился незнакомый номер.

– Да.

– Привет.

– Привет... – Я не сразу понял, что звонит она.

– Ты не узнал меня? Вот, значит, как ты быстро забываешь.

Кристина! Это Кристина, моя любовь, недолго дарившая

свои ласки, но до сих пор терзающая воспоминания. Редкое чувство охватило меня, как будто кусок льда начал таять в кишках.

– Кристина, я телефон потерял с симкой, – нелепо соврал я, на самом деле её номер был стёрт.

– Ну ладно. Как ты, как твоя песня, послал на радио?

– Да... но пока нет ответа.

– Так позвони и узнай, – мурлыкал красивый голос, – но я не об этом хотела. Ты свободен сегодня?

– Скорее да, чем нет, – обрадовался я.

– Тогда в три на «Курской», ангажирую тебя на выставку.

– Что ж, если надо, я готов.

– Если надо?

Глупо испугавшись, я заторопился:

– То есть здорово, давно хотел сходить на выставку и вообще, хо...

– Володя, в три у выхода из метро, без опозданий и до встречи.

Кристина мастерица обрывать, осаживать, ставить в тупик, это у неё хорошо получается.

Разговор удивил и осчастливил меня. Ведь мы расстались довольно плавно: сначала перестали регулярно спать, потом она перестала приглашать к себе, далее стали реже встречаться, а в конце Кристина просто не брала трубку и не перезванивала. Не скрою, горечь и недоумение – два чувства, до сих пор живущие во мне. Но вот звонок, он всё изменил.

Тогда randеву мне представлялось таковым: мы ходим по выставке, смотрим всякую лабуду, далее идём в какой-нибудь бар, там выпиваем, я стараюсь быть интересным, рассказываю всякое удивительное и необычное, чтобы подчинить её, дальше приглашаю на Сухаревку в музыкальную студию к другу. Надо только Виталику позвонить и договориться, ну а потом будет романтика, я сыграю песню, посвящённую ей, и скажу то, что никому никогда не говорил, она это обязательно оценит.

Так, теперь надо подумать о деньгах, очень нужен начальный капитал. У меня был примерно ноль. Пришлось идти кланчить у мамы. Она гладила бельё, когда я подошёл к ней. Стоя в нерешительности, начал так:

– Мам, мне очень нужно три тысячи.

Молчание.

– Ну, очень, мам.

Молчание.

Вспомнился когда-то давно прочитанный рассказ Шекли «Верный вопрос»: есть компьютер, знающий ответы на все вопросы бытия, но, чтобы он дал ответ, нужно задать тот самый верный вопрос.

– Я иду на выставку с девушкой.

– Бессовестный! Не мы, а ты должен нам помогать в таком возрасте. Живёшь на родительскую пенсию. Целыми днями бренчишь на гитаре, пьянствуешь, и ещё тебе на девок давать? Иди работать, больше ни копейки не получишь!

Это был удар ниже пупка. Про пенсию. Страшно ругнувшись, я ушёл в комнату, хлопнув дверью.

«Чего теперь, как без денег ехать? Крис сама позвонила, её ж потом клещами не вытащишь! Ведь это мой верный шанс её вернуть. Надо его использовать, надо из кожи вылезти, а использовать!»

Изуверские воспоминания на тему полезли в голову, вспомнился услышанный по радио случай с подростком, убившим свою тётку и забравшим деньги для свидания, или случай с двумя братьями, зарубившими ради крохотной пенсии стариков пенсионеров, подкармливавших их.

Чтобы выкинуть сатанинские мысли, я закурил и включил телик. По нему шла очередная передача про жрачку, повар с самодовольным лицом и глупыми глазами шинковал какое-то съестное дерьмо, его татуированные руки работали в унисон с языком. Я выключил звук. Ведущий всё энергичнее резал, жарил, замешивал и двигал ртом. Продукты превращались в бесформенные кучи, теряя природную форму и яркость цвета. Кулинар с ловкостью циркового клоуна подбрасывал еду на разновеликих сковородках, точно ловя её обратно в посуду.

Глядеть на это без отвращения становилось совсем невозможно, поэтому я решил пойти помыться. Предчувствие, что деньги всё же найдутся, немного успокаивало.

В старой ванне, вспоминая Кристину, пришлось стянуть себя обручами воздержания, чтобы не поддаться презренно-

му занятию и не спустить жизнь в слив. Мылся я особенно тщательно и даже побрил член, вспоминая, как Кристина в первый раз нашей близости высмеяла его, сказав: «Так, наверно, выглядели членистоногие в ледниковый период».

Выйдя распаренным и свежим, я не заметил в нашей двухкомнатной халупе мамы. «Наверное, она пошла в магазин», – подумалось мне. Проходя через прихожую, мельком бросил взгляд на протёртый диванчик и обнаружил на нём *ко-ше-лёк*. Кожаный кошелёк, который я подарил маме на день рождения, купив его на отцовские деньги. Медлить было нельзя. В бумажнике аккуратно лежали купюры разного достоинства, всего восемь тысяч шестьсот с мелочью (недавно была пенсия). Хотел взять три, но пришлось взять четыре. Только свершилась кража, как в замке повернулся ключ, и дверь открылась, мать забрала кошелёк.

«Нормально, всё будет хорошо, впереди только цветы», – ликовал я.

Хоть времени до встречи оставалось достаточно, мне надо было как можно скорей сбежать из дома. Надев джинсы, неплохой пуловер поверх измятой майки и подклеенные кеды, я вышел на тёплый асфальт.

Кг1 – f3

На ум ничего не приходило, сколько он ни силился найти пусть даже тень решения. Вместо этого в голове навязчиво играла не к месту услышанная блатная песенка. Весь вчерашний день и полночи, если не считать поход с Герой в кино, ушли у Саши на эту головоломку. Результат – нулевой.

«Похоже на дырки в дуршлаге или на тёрку, ещё смахивает на пульт от телевизора, смех, какие ассоциации... а только мусор, глумясь надо мной, обещает, гад, долгий срок чалиться... нет, так не разобраться, тут нужен помощник... долгий срок ча-литься... неужели придётся к дяде ехать? Ох, не хочется. Нет, сначала обращусь к Чирику, он всё-таки в Ленинской работает, может, что подскажет».

Чирик был единственным школьным приятелем Саши. Их учёба совпала с началом девяностых, в тот прекрасный момент, когда по всей стране перестали гореть Вечные огни, а в туалетах не спускалась вода, когда учителей подкарауливали после уроков и избивали, свободно бухали в классе, совокуплялись в актовом зале, токсикоманили, надевая пакеты с «Моментом» на голову. А старые педагоги, сидя даже без нищенской зарплаты, порой не приходили на уроки, боясь инфаркта где-нибудь у доски.

Чирик не вписывался в нормальное явление того времени. Он не курил ни в старших классах, ни позже, не пил и

презирал мат, за что, в свою очередь, презирали его. Часто били. Саша постоянно заступался за товарища, в результате чего их объявили чуть ли не изгоями. Дальше, окончив школу с золотой медалью, Чирик поступил в МГУ, правда не окончил его, неожиданно уйдя с диплома. Тогда их отношения прервались. Сейчас школьный друг работал в Ленинской, о чём Саша узнал недавно от общего знакомого.

Оторвавшись от странных точек, он потянулся к трубке старого дискового телефона. По памяти набрал домашний номер Чирика. Долгие гудки, и никакого ответа. «Может, звук звонка поставлен на “тихо” или в квартире никого?» И Саша пошёл к нему домой.

Друг жил с мамой в трёхкомнатной квартире, полученной в советское время. Раньше у них была большая семья, однако со временем отец ушёл к другой, старший брат пропал много лет назад, сестра, познакомившись по интернету с голландцем, уехала к нему, и остались они втроём: мама, Чирик и кот по кличке Фу-Фу.

Квартира располагалась в ещё более хрущёвом доме, чем у Саши. Пятиэтажный опрокинутый небоскрёб на противоположной от Александра стороне железной дороги. В детстве они пускали друг другу самодельные радиоуправляемые самолётики с письмами, их балконы были аккурат напротив. Как-то одноклассница увидела их занятие и на следующий день рассказала ребятам в школе, это стало поводом для глумливых издёвок.

Дверь открыла мама:

– Здравствуйте, Татьяна Ивановна. Егор дома?

– А он вам... Саша, это ты, здравствуй! Давно не заходил, ну как ты? – с нетерпением спросила она.

– Да я ничего, работаю, мне Егор очень нужен.

– А его нет, он на работе, ты ему позвони. – Татьяна Ивановна стала прикрывать дверь.

– Я его сотовый не знаю, где он работает, в Ленинской?

– В Столыпинской, переименовали же.

В щели за дверью показалась полоска мужского тела.

– Ты, Саш, к нему в библиотеку съезди, он там. Ну, всего доброго. – Она спешно закрыла дверь.

Бронзовый Достоевский перед входом в библиотеку, скорбно скрючившись, взирал на сидевшую под ним молодёжь. Один парень с огромными тоннелями в ушах весьма успешно знакомился с девушкой. Он рассматривал затейливое тату на шее и верхней части её груди, от которой шёл пар на свежем апрельском воздухе, а потом, подняв куртку, показывал своё, на спине. Судя по их лояльным улыбкам, дело шло к дружбе.

На входе, пройдя мимо охранника, Саша подошёл к миловидной пожилой женщине, сидящей за столом у подножия огромной мраморной лестницы.

– Простите, вы не подскажете, как мне найти сотрудника библиотеки Егора Черешнева?

Пожилая дама сделала удивлённое лицо и показала глаза-

ми в сторону двери. Саша посмотрел туда: отличная дубовая дверь, инкрустированная латунными рельефами, таких теперь не делают. Он хотел уже повернуть голову, как встретился взглядом с Чириком. Его было трудно узнать: вместо длинных волос был бритый череп, вместо пижонских бакенбард грубая щетина. Он стоял, одетый в чёрный спецназовский свитер и чёрные штаны с кучей карманов, было видно, что ему неловко.

– Егор... – Саша протянул руку. Егор не сразу пожал её. – Ты здесь охранником?

– Да, а что?

– Ничего, просто я думал, ты...

– ...работаешь директором. Это хотел сказать?

Было очевидно, что школьный друг совсем не рад ему.

– Я к тебе по делу, мы можем поговорить?

– По делу? – Егор, помолчав, добавил: – Ладно, у меня через десять минут смена, подожди на улице.

Чистый весенний день, стаи голубей в бирюзовом небе, красиво целующаяся татуированная пара – всё это настраивало на амнезию, хотелось забыть о проблемах и улыбнуться солнцу, другу, выходящему из библиотеки.

– Ну, какое у тебя дело? – всё так же не слишком дружелюбно спросил Егор.

– Дело срочное. Я утром заходил к тебе...

– Больше не заходи, я там не живу, – поменявшись в лице, буркнул он.

– Переехал?

Егор достал из кармана пачку, вынул зубами сигарету. Не спеша прикурил, после второй затяжки сказал:

– Если ты заходил, то заметил, кто там теперь.

– Я видел там кого-то, но не разглядел.

– Мать теперь с ё... – Чирик поперхнулся, – живёт. Пойдём в одно место, недалеко тут.

Они вышли на Воздвиженку и пошли к Манежке.

– И что, ты ушёл из-за выбора твоей матери? – деликатно осведомился Саша.

– Не только. Ты-то до сих пор с дедом живёшь?

– Дед умер, четыре года назад.

Чирик поморщился. Пройдя молча по Моховой и не доходя до Тверской, они свернули в проулок. Там удивительным образом сохранились старые, не искаленные реконструкцией дома. Встав у одного из них, Чирик указал на облупившуюся дверь, над ней была вывеска: «Винтовка Мосина».

– Нам сюда.

Холл был необычен. На стенах висели патронные ленты, между ними фотографии-сепии прошлых времён. С потолка куполами свисали парашюты. На каменном полу были разбросаны пустые гильзы. Отдав верхнюю одежду гардеробщику, переодетому в солдатскую форму Первой мировой, они прошли в зал. Ноги разъезжались при ходьбе по гильзам, и довольно трудно было сохранять равновесие.

– Сядем у расстрельной стены, – предложил Чирик и по-

вёл Сашу в конец просторного зала.

Расстрельная стена представляла собой красный кирпич, изрешечённый пулями. Садясь за сделанный из армейских ящичков стол, Чирик позвал официантку. К ним подошла девушка в одежде сестры милосердия, с платком на голове и большим красным крестом на груди.

– Принесите вашего козырного и в наборе.

Только сейчас Саша, сев напротив Егора, разглядел на его лице жёсткие волевые морщины. Нет, он не выглядел старше своих лет, он выглядел так, как, возможно, выглядели люди его возраста при Дмитрие Донском или при Пожарском, сурово выглядел.

– Ну, рассказывай, чего ты хотел, – сказал он, закуривая от стоявшей на столе лампы-коптилки, и, видя недоумение, прибавил: – Один из немногих кабаков, где можно курить.

Саша достал из сумки лист и показал его Егору. Он секунд десять смотрел на него, потом взглянул на Сашу:

– Что за хреновина?

– Это схема, мне надо её расшифровать, ты же в науках рублишь, думал, подскажешь мне, что это.

Сестра милосердия принесла поднос с флягами и котелок с ложкой. Егор протянул флягу Саше.

– Будешь?

– Это что? – недоверчиво покосился на ёмкость Саша.

– Чифирь и карамель. Взбодримся?

– Ух ты... нет, я не могу, у меня три дня на расшифровку

этой тарабарщины. Так что скажешь, Егор?

Егор отвинтил крышку фляги и сделал пару хороших глотков, пододвинул котелок, зачерпнув ложкой коричневую смесь.

– Ничего не скажу. То, что помнил, то вылетело. Я ведь после того, как институт не закончил, в армию пошёл, сам. В Чечню. Три года по контракту отслужил. Ты забудь, что я в школе ботаном был, сейчас я охранник, пусть и в библиотеке. Не совсем мечта детства... конечно. Это ты на своей железке, как хотел, так и работаешь. Ведь работаешь?

Саша кивнул. Подавленно спросил:

– А где живёшь сейчас?

– У Коляна Шнягина, помнишь его? Вот у него. Он мне рассказал, что из нашего класса всего меньше половины осталось. Бабы наши проститутками стали, почти все. Пацаны кто от цирроза, кто от передоза. Шняга хоть и кришнаит оказался, но правильно говорит...

– Кришнаит?

– Да, но не в этом дело. В общем, включён, говорит, какой-то тайный механизм самоуничтожения у нашего поколения. И не только у нашего, вообще у русских. Вырвали из природной среды и поместили в колбу со спиртом, опыты ставят. – Егор говорил чётко и отрывисто, чего раньше за ним не водилось. – Я там, в горах, насмотрелся на «чехов». Они пассионарии, пусть и варвары, им есть что защищать. Вот если ты чурке, например, скажешь, что драл его мать, он

тебя загрызёт; а мы что? В лучшем случае в рожу дадим, да и то не все. А про наше правительство родное я просто молчу, оно сейчас сдаёт тех, кто выполнял приказ. Кого не сдали, того на улице или в подъезде сами «чехи» валят – мстят, гниды. Наверное, и до меня скоро доберутся.

– Ты про зачистки? Так это давно было, – осторожно вставил Саша.

– Про них самые. И тут срока давности нет. А как иначе было? Эти мирные, днём добренькие, а ночью с калашом выходят! А-а, забудь... слушай, хочешь посмеяться? Знаешь, кто из наших в порядке? – Егор впервые улыбнулся.

– Кто?

– Кузя! Он отсидел когда-то за что-то два года и после выхода создал в интернете онлайн-переводчик блатного жаргона, платный. В сети есть и бесплатные, но они неточные, неудобные и запас слов маленький. А у него всё обоснованно, как у Даля, ссылки, примеры, лингвистика; и на месте не стоит, постоянно пополняет свой «толковый словарь». Сейчас в среде блогеров его феня большой популярностью пользуется. Шнягин говорит, он за отдельную плату даёт уроки этой фени у себя дома. «Блатной фольклор от интеллигентного носителя» – такой у него слоган. «Бэху» недавно купил, цвет металлик...

Чирик громко хохотнул, потом, сжав кулаки, качнул головой и, взяв флягу, стал жадно пить, переливая коричневые струи через рот.

– Ну всё, ты иди, видишь, ничем помочь тебе не могу. А я посижу.

Было заметно, что цифирь произвёл противоположное действие, вместо прилива сил наступила подавленность. Егор смотрел на свои сжатые кулаки, наклонив бритую голову.

– А у тебя какой номер сотового, а то я только твой домашний знаю, – спросил Саша.

– Не надо тебе его знать, ты не обижайся, но лучше не надо.

На выходе Саша столкнулся с породистой эффектной женщиной лет тридцати. Он успел увидеть, как она подошла к Егору и села за его стол.

Кb8 – с6

– Какой же ты беспокойный старик, хотя бы немного посиди неподвижно!

Работа не ладилась, лицо натурщика было постоянно в движении, и скульптор Линос по прозвищу Оселок никак не мог его уловить. Прозвище Оселок ему дали, поскольку он приплыл в Афины с острова Наксос, откуда привозили превосходный мрамор и корунд, из которого делали оселки для заточки ножей.

Под широким и высоким навесом, хорошо укрывающим от палящего солнца, находились два человека. Деметрий сидел на высоком, грубо сколоченном табурете, непринуждённо, по-детски, болтая ногами, наслаждаясь спасительной от жары тенью. Он был гол, только снятый дряхлый хитон комом лежал на срамном месте, прикрывая его. Обнажённое тело рассекали чёрными линиями следы от меча и кнута. Скульптор, стоявший у своего изваяния и молотивший по нему железным скампелем, напротив, испытывал раздражение и к погоде, и к мрамору, и к Деметрию. Он давно скинул свою хламиду и работал теперь в лёгкой набедренной повязке. Левая часть его лица в большей степени, чем правая, шея и не слишком крепкий молодой торс были усеяны прилипшими крошками камня.

Двор, мощённый крупным тёсаным булыжником, занима-

ли самые разнообразные скульптуры. Тут стояли как небольшие работы второстепенных божеств, типа Селены и Пана, сделанные для окраинных небогатых храмов, так и монументальные, в виде главной покровительницы города, изображённой в гордой статичной позе защитницы. В углу двора в ряд были выстроены фигуры нимф, одну из них на безжалостном солнцепёке расписывал юноша, почти мальчик, по имени Пэн в смешной красной шапочке; он тщательно обрисовывал охрой веко мраморного личика. Но особо выделялась на общем фоне скульптура обнажённой женщины, не полностью ещё законченная. Смелый художник не постеснялся показать зрителям своё умение, точно и уверенно передать красоту женского тела. Вот только голова и закинутая за неё правая рука были лишь намечены.

Хотя натура была совсем несложна для подобного мастера, а характерные черты и вовсе упрощали задачу, скульптор никак не мог ухватить сущность портрета философа. Большой мясистый нос, лысая голова, выдающийся широкий лоб, кустистая борода и усы, прищуренные глаза... да! вот глаза и вокруг них; никак не удаётся попасть. «В чём же дело...» – бормотал про себя Оселок. Опытный скульптор работал сразу в мраморе, не делая предварительного глиняного эскиза, и он уже пожалел об этом, так как вынужден был срубить один слой из-за допущенной ошибки, что сделало работу чуть меньше.

Молоток звякнул о скарапель, скарапель отколол кусок мрамора.

мора большего, чем нужно, размера. Скульптор отложил инструмент и сел на низенькую табуретку, уставившись в пол. Юноша-подмастерье хотел было пройти через навес в дом за водой, но Оселок так рявкнул на того, что парень в испуге отбежал.

– Зря ты на него так, вспомни себя в молодости.

Вместо ответа скульптор недовольно сплюнул мраморную пыль.

– Скажи-ка, что, Мелисса больше не приходит позировать тебе? – Деметрий указал рукой на мраморное изваяние.

– Обещала вчера прийти, да не зашла. А без неё или с другой заканчивать не хочу.

– Видал я её дней пять назад. Хорошо, что я равнодушен к женщинам и на всякий случай к мужчинам.

После некоторой паузы Деметрий, расправляя усы, задумчиво продолжил:

– Гулял вчера по городу и встретил у гигиийских бань старика Эфора. Он как раз вернулся из дальнего путешествия, дошёл да края земли, хотя у меня есть подозрение, что это не так. Но не суть, послушал я его рассказы о разных странах и дивных варварах, самые чудные из которых, сколоты, и соседние с ними племена обитают севернее Пантикапея и на полуострове Таврика, что на Понте.

Философ замолчал, потом продолжил:

– Я поступлю следующим образом, подобно блаженным Феакам, чьи корабли ходили по морю без руля, управляемые

мыслью, отпущу себя на волю разума, закрою глаза и подумаю об этих варварских землях. То, что мне придёт на ум, обращу для тебя словом. – Старик поднял за верёвочку сосуд, сделанный из ценной тыквы, и отхлебнул добрую половину содержимого.

– Берег реки, ранний вечер, три человека. Одеты однообразно, на ногах меховые штаны, короткие куртки из кожи, опоясанные кожаными же поясами с золотыми пряжками, все с красивыми длинными бородами. У одного на голове шерстяная остроконечная шапка, он копошится у котла, обкладывая его хворостом; двое других сидят и расчёсывают костяными гребнями друг дружке волосы. Невдалеке видна кромка леса, возле неё небольшой табун лошадей и несколько фигур людей. Вдоль берега сложены временные шалаши из тополиных жердей и соломы, чуть ближе к лесу – шатры из шкур.

Человек, разводящий огонь, что-то отрывисто кричит, из шалаша вылезает женщина с кожаным ведёрцем и бежит к реке. На ней тёмный плащ поверх длинной рубахи, а на голове высокая шапка с покрывалом. Набрав воды, она выливает её в котёл, вокруг которого уже всюю горит хворост. Постепенно к очагу подходят люди с разной снедью, у кого нога барана, у кого мехи с вином. Солнце постепенно садится, река становится маслянисто-золотой, лес тёмно-вишнёвым, люди сереют, и только те, кто поддерживает огонь, обретают мягкий бронзовый оттенок. Вот из просторного ша-

лаша выходит старик. На нём нарядное одеяние, много золотых пряжек и застёжек, митра покрывает его голову. Он степенно идёт к реке. Постояв около неё, подходит к огню, садится в круг людей. Давно уже варятся бараньи ноги, оленьи потроха, сдобренные разными травами. Старик произносит неспешную речь, все слушают его не перебивая. После он берёт чашу, сделанную из человеческого черепа, отпивает из неё, но сразу начинает кашлять и отставляет сосуд. Из дальнего шатра к собравшимся подходит мужчина и протягивает старику свёрток из выделанной тиснённой орнаментом кожи. Старик разворачивает его, достаёт нож с серебряной рукоятью. Шепча неясные слова, он с силой бьёт себя ножом в сердце и тут же заваливается набок. Двое мужчин, бережно вытащив лезвие из сердца и сняв одежды с покойного, отрезают ему голову, кладут её отдельно в украшенный тончайшей сканью мешок, а тело опускают в кипящий котёл.

Kf3: e5

Пришлось Саше ехать к дяде.

Дядя Толя был слишком странным человеком, чтобы его можно было любить, попросту он был псих. Так считали и студенты, у которых он преподавал, и немногочисленные родственники. Обитал он в Подмосковье, в посёлке Сосновый Лес, была у него ещё двухкомнатная квартира на «Семёновской», но дядя в ней не жил, и вот почему.

В один из солнечных будних дней дядя Толя шёл на работу по своему обычному маршруту. На подходе к метро он пересекал по пешеходному переходу Зверинецкую улицу, ничего не нарушая, думая о компиляциях Ньютона, как вдруг уши заложило от страшной сирены вороного «Гелендвагена», который всё-таки затормозил перед оторопевшим пешеходом. Из машины вышли двое: пассажир и водитель, довольно плотного телосложения, водитель был даже чересчур толст. Под аккомпанемент страшных ругательств пассажира, касавшихся в основном сексуальной ориентации и внешнего вида, водитель обошёл своё авто, достал бейсбольную битку и с несвойственным его фигуре проворством подбежал к дяде, принявшись избивать того. Первый же удар по голове сшиб его с ног, остальное вспоминалось позже какой-то дикой каруселью. В больницу дядя Толя поступил с черепно-мозговой, с переломами обеих рук и с многочисленными внут-

ренными гематомами. Следователь, приходивший один раз, скучно посидел и что-то записал, вернее, зарисовал: круг, в нём квадрат, в квадрате треугольник, опять кружок, квадратик, треугольничек... Дядя ничего не запомнил, ни лица, ни номера машины, ни марки; камер на месте происшествия не было. Выписавшись через полтора месяца из больницы, в которой его навещал только Саша, он самолично опечатал квартиру, быстро собрался и выехал в деревню, где стоял избушечный дом, поставленный дальним предком и перешедший ему по наследству. В этой самой деревне, ставшей сейчас посёлком, он и жил вот уже несколько лет.

Работал дядя Толя преподавателем на кафедре физики в институте с приятным японским названием НИУ МИСИ, и каждый день ему приходилось долго и неудобно ездить из посёлка к студентам как нормальному российскому педагогу – своим ходом.

Любопытен и дядин посёлок. Там берёт начало известная целебная вода, которую в советское время зачем-то очищали, а в новороссийское стали качать без фильтра, построили заводик, и полилась из труб жидкость в бутылки. Ещё Сосновый Лес интересен уникальным по идиотизму проектом Хрущёва, связанным с переносом Министерства сельского хозяйства из столицы в лесной посёлок. Как-то Никита Сергеевич вызвал на доклад министра и, покачиваясь, словно неваляшка, подошёл к чиновнику с предложением, которое показалось тому шуткой:

– А что, Константин Георгиевич, не зажились ли вы в городе? У нас что, разве пшеница и овёс растут на Пушкинской площади, понимаете, или на Карла Маркса? – Оба засмеялись, один из них искренно. – Есть мнение перевести ваше министерство поближе к свойственным ему условиям, его профилю, понимаете.

Дело двинулось быстро, подготовили архитектурный проект в духе экономии и простоты форм, утвердили и начали строить. Но Хрущёва скоро сместили, и от экстравагантного замысла отказались. Так и остались стоять недостроенные кирпичные корпуса, быстро заросшие лопухами и зонтиками борщевика. Позже часть строений местные жители разобрали на кирпич, а часть пошла на возведение церкви новомучеников. В которой центральное место заняла икона Николая II, подаренная храму господином Гуревичем, бывшим председателем комсомольской организации райисполкома, ныне входящим в совет директоров банка «Подольск-трейд».

Саша, жалея о том, что нельзя доехать до дяди на электричке и сэкономить, сел в пригородный автобус. Ехать нужно было что-то около часа от Тёплого Стана по Калужскому шоссе и бетонке; он проверил папку с рисунком – всё на месте, кошелёк во внутреннем кармане, телефон... Подошла контролёрша, отмотала циферблатные билетки, и автобус, прокручивая шинами грязевую кашку, стал тихо выбираться из города.

У дяди Толи сотового никогда не было, про электронную почту и говорить не стоит, поэтому Саша после встречи с Чириком, прежде чем ехать, позвонил в дядин институт на кафедру физики и узнал, есть ли сегодня занятия у Анатолия Михайловича Александрова; ему сказали, что нет. Это был шанс застать дядю дома. Пока автобус медленно тащился по шоссе, останавливаясь на частых остановках, вспомнилось Сашке, как он в детстве играл с дядей, как они ходили гулять в Коломенское, посещали Пушкинский музей, Исторический, Третьяковку, ТЮЗ, Новодевичий монастырь, как всё это бесило его, юношу.

Автобус свернул с шоссе на бетонку, пронёсся мимо лимонадной фабрики им. Ельцина и, проехав ещё немного, остановился у исполинского деревянного медведя с шишкой в левой лапе. «Приехали», – удовлетворённо отметил Саша, выбираясь из салона. Время было послеобеденное, рубиновые огни поселкового рынка, находившегося рядом с остановкой, встречали очередных покупателей. Тут же на информационном стенде посёлка висели два объявления о пропавших мальчиках, одному девять, другому десять лет.

Идти было недолго. Саша раза два бывал у дяди: вот спуск от рынка, мимо больницы и жилых трёхэтажек, ещё немного вниз, завод питьевой воды, дальше пруд – он справа, пункт назначения – слева. Синий бревенчатый одноэтажный дом с декоративным мезонином, какие строили после войны, вокруг дома сухие будылы гигантских размеров. Плохенький,

с просветами, забор ничего не скрывает – огибая периметр дома, бежит полуголый человек в чёрных спортивных трусах и в коротких резиновых сапогах. Так он и наматывал круги, пока Саша подходил к дому. Это был дядя Толя.

Пройдя на участок, Саша дождался, пока дядя выбежит из-за угла.

– Привет, Санёк, заходи в дом, ставь чайник, сейчас кофе пить будем, – на ходу выложил дядя Толя, будто поджидавший племянника.

Знакомые кривые, но прочные ступени крыльца подняли в тесноватый предбанник с вешалкой, через дверь находилась кухня, и вот уж она была по-настоящему обширная. Может, отчасти оттого, что в ней не доставало мебели: сорокалетний буфет у стены, стол у окна лет тридцати, газовая плита, пожалуй, пятидесяти, над ней висели бессмертные поварёшки, ими, судя по замшелости, дядя не пользовался; у стола стоял гнутый венский стул, ещё такой же был чуть поодаль, вот и вся мебелировка. Дохлые клеёнчатые обои дополняли картину. В доме было ещё две комнаты, в одной спал дядя, вторая, тоже когда-то спальня, постоянно была закрыта. Саша взял с плиты массивный чайник, налил в него сырой воды. Чиркнув спичкой и добыв огонь, он получил ностальгическое удовольствие от давно забытой процедуры – что там плиты с электроподжигом! Сев на прочный стул, принялся ждать дядю. Обращало внимание большое количество пустых пузырьков из-под йода в мусорном ведре и от-

сутствие холодильника. Саша вспомнил, что дядя Толя уже давно пил растворённый в воде йод на ночь, считая это крайне полезным.

Красный и распаренный от беготни, дядя ввалился через пару минут, производя впечатление шестидесятилетнего человека, хотя было ему чуть за пятьдесят. Невысокого роста, с подвижным лицом, солидной лысиной и длинными седыми остатками волос, с привычкой поглаживать подбородок – он производил больше неприятное впечатление.

– Что, небось продрог, пока шёл ко мне? – говорил дядя, снимая сапоги и облачаясь в старые треники. – Неудивительно, чем больше одежды – тем больше мёрзнешь. А знаком ли ты с учением Порфирия Иванова? Этот уникальный человек учил укреплять свой организм воздержанием в пище и закаливанием, впрочем, я тебе дам его тезисы.

Надев невероятно длинную когда-то красную футболку, он открыл буфет и извлёк маленький бумажный кулёк.

– Сейчас угощу тебя замечательной вещью, такого кофе ты не пивал, я думаю. Ну, чего стоишь? Раздевайся, термос с полки возьми, – привычно не делая пауз между предложениями, затараторил дядя.

Бросив из кулька в термос щепотку сухого порошка и залив кипятком из чайника, дядя завинтил крышку и сел за стол.

– Как ты тут, дядя Толь, вижу, не расслабляешься?

– Держу себя в узде, чуть расслабься – и сползёшь вниз,

потом очень трудно будет восстанавливать накопленное. И ты знаешь – я счастлив. Я нашёл для себя формулу существования. – Дядя пригладил несуществующую бороду. – Порфирий Иванов научил меня, как нужно смотреть на мир. Нет ничего бесполезного, всё имеет свою пользу, нужно только правильно применять, изучать любое явление, пытаться найти тайный смысл, заложенный в каждой вещи. Вот, например, борщевик, ты видел, у меня на огороде растёт. Считается, что он страшно вреден, вызывает фотохимические ожоги, летом в жару под его лопухами нельзя спать, иначе страшно разболится голова, будет рвота и так далее. А то, что он выделяет огромное количество кислорода и отлично поглощает угарный газ, об этом не говорят. Мне, например, живущему у дороги, он сильно помогает. У меня тут сосед вчера умер от пьянства, так он всё убеждать пытался, что я, мол, неправильно живу, не пью ни с кем. А вот как вышло, хотя был младше меня. Так вот и большинство: «Чем вреднее живёшь, тем дольше проживёшь», – думают они. А это бездумное потребление, в корне противоречащее учению Иванова. Или возьмём холод... Да ты меня не слушаешь, Санёк, о чём-то своём думаешь?

– Да, извини, дядя Толь, у меня просто очень мало времени, я пришёл с серьёзным делом.

Саша, боясь, что дядю понесёт не в ту степь, а в ней его не остановишь, достал из папки лист с рисунком. Дядя надел очки и взглянул на странные точки. Секунд пятнадцать он

смотрел на них, потом отложил в сторону и, глядя на племянника поверх очков, сказал:

– Ты знаком с теорией детерминизма? Это теория о взаимосвязи всех происходящих явлений. Нет ничего случайного. Мы существуем в событийной цепи, и чтобы найти, условно, седьмое звено, тебе надо сначала определить, где четвёртое, потом пятое, а шестое выведет уже к седьмому. Пошёл когнитивный процесс?

Саше захотелось вбить гвоздь в язык теоретика.

– Ты конкретно можешь сказать, что это такое, что означают эти точки?

– Санёк, ты всегда был непоследовательным, – заявил дядюшка, выставляя чашки из буфета. – Пока ты сам мне не дашь больше информации, я ничем тебе не помогу. Очень мало вводных. Вот откуда это у тебя?

– Я не могу ничего сказать об этом, даже полслова, пойми. Мне бы знать, что это за точки, может, код или древнее письмо?

– А говоришь, серьёзное дело. Мне сие ничего не объясняет. Ну-ка, дай ещё посмотреть... какой-то шифр, но не сложный, тут повторяющийся ритм. И не похоже на древнее письмо. Не знаю, в любом случае усвой, что я сказал: ищи недостающее звено во всём, что тебя окружает.

Дядя обратился к термосу. Отвинтил крышку.

– Ах, какой кофе! Коллега с кафедры привёз из Индонезии, «копи-лувак» называется. Его в ходе дефекации экскре-

тируют такие маленькие животные – мусанги, поедающие кофейные зёрна. Прекрасный пример использования животных. – Дядя Толя разлил душистое вареву в кружки.

Кофе действительно оказался на редкость вкусен, и, поборов первоначальную брезгливость, Саша с удовольствием его выпил.

Несолоно хлебавши, если не считать «копи-лувак», племянник, не засиживаясь долго, засобирался. После встречи с дядей его всегда щемила жалость к нему, может, оттого, что считал его чудаком, может, потому, что в пожилом возрасте тот жил один, не завёл свою семью, всё носился со странными теориями, а Саше казалось это таким бессмысленным и пустяковым.

Перед уходом дядя подарил ему тонкую книжечку, скорее брошюру, на ней было написано:

«ДЕТКА»

УЧЕНИЕ ПОРФИРИЯ КОРНЕЕВИЧА ИВАНОВА.

На первой странице было вступление:

«Мне скоро исполнится 85 лет. 50 из них я отдал практическому поиску путей здоровой жизни. Для этого я каждодневно испытываю на себе различные качества природы. Особенно суровые её стороны. Я полон желания весь свой опыт передать нашей молодёжи и всем советским людям. Это мой подарок им».

Саша прибежал к остановке, когда красные огни автобуса отъехали уже далеко, это был последний общественный транспорт на Москву. Он забыл, а дядя Толя не напомнил, что автобус здесь уходит рано. Такси тоже не было. Возвращаться в избу совсем не хотелось, оставалось только выйти на бетонку ловить машину.

Ксб: е5

– Ты о чём сейчас рассказывал? Я ничего не понял, – ошалело спросил Оселок.

Деметрий неспешно поднял опухшие веки. Тело его покрылось мурашками.

– Вот это опыт, – чрезвычайно медленно произнёс философ.

Встав, он прошёлся по двору, подошёл к скульптору и, посмотрев ему прямо в глаза, сказал:

– Я только что всё это видел. Слышишь? Видел. Надо повторить. Явление только тогда можно осмысливать, когда есть ряд опытов.

– Садись позировать, мы не закончили, – рассердился Оселок.

– Сяду, сяду... вот и не верь потом в Гипноса и Морфея.

– Ладно, пробуй свой опыт, только не шевелись, – смягчил тон художник. – Пэн, принеси ещё отвара моему гостю.

Мальчик-подмастерье наполнил тыквенный сосуд и, подав его, присел на корточки рядом с Деметрием. Философ потрепал парнишку за ухо, отпил содержимое бутылки и прикрыл глаза ладонью.

– Толпа народа наводняет палубу огромного корабля, сделанного целиком из железа. Белые одежды в первых рядах сменяются чёрными во вторых, кое-где разбавленными се-

рыми длиннополыми похожими на плащи одеяниями. Люди жмутся к ступенчатому пьедесталу, обитому красной парчой.

– Кажется, уже пора, Александр Фёдорович.

– Пора.

Высокий человек в сырой серо-зелёной одежде поднимается на трибуну и оглядывает толпу недобрым возбуждённым взором. Зычным голосом говорит:

– Граждане новой России! Сбылись мечты и чаянья наших предков, боровшихся за свободу отчизны. Тысячелетие гнёта сменила народная революция. Свобода всех сословий, равенство перед законом и братство граждан России – вот то, что торжествует теперь в нашем отечестве. Деятели старого императорского правительства говорили, что им нужна великая Россия, а нам нужны потрясения, они не понимали того, что без великих потрясений не может быть и великой России. Мы с гордостью заявляем: самодержавие свергнуто! Великая бескровная революция свершилась! Победили внутренних врагов, и теперь ничто не помешает нам победить внешних. Славные продолжатели дела Шмидта, обращаюсь я к вам, отныне вы хозяева на флоте, вы сами будете решать демократическим путём ход истории, от вас зависит будущее страны, сломившей голову чёрной диктатуре царизма! Матросы и командиры победоносного Черноморского флота, мы – демократическое Временное правительство России, как и вы, чтим подвиги страдальцев за освобожде-

ние народа. В ближайшее время будут с почестями похоронены герои, погибшие в девятьсот пятом – девятьсот седьмом годах. Те идеалы, за которые они жертвовали жизни, утвердились навеки. Отныне никто не смеет заниматься рукоприкладством; командир, который повторит старорежимные ошибки, будет снят с должности недавно образованными судовыми комитетами! Старое обращение долой!

Бурно жестикулируя, оратор сбивает рукой шапку у стоящего рядом с ним низкорослого человека. Тот с заметным сожалением поднимает белоснежный убор, запачканный грязью.

Тем временем выступающий продолжает:

– Я первый готов взять винтовку и пойти в штыковую!! Война до победного конца, а он уже близок! Я верю в вас, герои-моряки! Помните! Силы противника истощены, наши же неиссякаемы, революционный подъём мобилизует лучшее, что есть у воинства! Небывалый патриотический взлёт испытывают сейчас армия и флот, потому как теперь мы воюем не за царя и старое правительство, а за светлое будущее обновлённой России!! За детей, которым мы должны оставить свободную и независимую державу! Наши корабли скоро будут в Константинополе, старое командование не могло справиться с этой задачей, а мы справимся!! Ибо с нами великая историческая правда – только свободная личность способна побеждать, и мы победим!! Да здравствует свободная Россия!! Да здравствует свободный человек!!!

Гром бурных аплодисментов, перемешанный с криками «ура!» и «да здравствует революция!».

– Ну, что американцы?

– Всё в порядке, ваше высокопревосходительство, всё в порядке, они согласны, принимают ваши условия. Ждут вас сегодня вечером в миссии.

– Это хорошо. Теперешнее шапито скоро кончится, а всех этих горлопанов сметут поганой метлой. Наступит полная анархия и разброд, вот тогда мы и вернёмся. Но без помощи союзников нам не обойтись.

– Истинно так. Знаете, Кросби сказал про вас, что вы очень исполнительный человек, притом тактично настаивающий на своём и всегда угадывающий в прогнозах.

– Очень лестно, особенно из уст этого соглядатая.

– Вы как всегда правы, ваше высокопревосходительство. Кажется, вас зовут на трибуну.

Скрипя деревянными ступенями, длинноносый подтянутый человек в белом сменяет первого выступавшего. Предыдущий оратор демонстративно пожимает руку взошедшему под вспышки. Уступает ему место, отойдя чуть назад. Сухо кашлянув и смахнув дождевые капли с рукавов, новый выступающий начинает:

– Офицеры и матросы! В отечестве произошли серьёзные перемены, старое правительство низложено, новое только родилось. Долг всех честных солдат, матросов и офицеров присягнуть на верность Временному правительству как

единственной силе, способной управлять русским государством в сей нелёгкий час! Дабы закончить эту войну славной победой русского оружия, необходимо установить пошатнувшуюся дисциплину. Поэтому требую не учинять самосуд над офицерами с немецкими фамилиями, как было третьего дня на «Екатерине». Приказом за номером восемьсот восемьдесят два дробь четыре обязуются все без исключения офицеры, матросы и солдаты принести новую присягу. Вот текст присяги. – Он вынимает сложенный вчетверо лист: – «Клянусь честью гражданина свободной России и обещаюсь перед Богом быть преданным своему отечеству. Клянусь сражаться за него до последней капли крови. Клянусь во всём подчиняться Временному правительству, ныне возглавившему российское государство. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им послушание во всех случаях, когда того требует мой долг офицера, матроса, солдата и гражданина перед отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером, матросом, солдатом и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства и вражды. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знамением и нижеподписуюсь». Хочу заметить, что настоящая форма присяги установлена для лиц православного и римско-католического вероисповедания. Для лиц лютеранского вероисповедания из заключительной фразы присяги должны быть выпущены слова: «осеняю себя крестным знамением», для лиц магометан-

ского вероисповедания присяга заканчивается так: «заклю-
чаю сию мою клятву целованием преславного Корана и ни-
жеподписуюсь», для лиц буддийского вероисповедания. . .

Раздаётся громкий хлопок. В толпе смятение, люди тол-
каются, падают и кричат.

– В чём дело! Кто стрелял?! – рыкает длинноносый вы-
ступающий.

– Да это мы тут агитатора шлёпнули, против Временного
лаял, – отвечают в толпе, расступаясь перед лежащим на па-
лубе и бьющимся в судорогах человеком в чёрной одежде, в
кулаке которого зажаты листки бумаги.

Глаза Деметрия с лопнувшими сосудами бессмысленно
установились в одну точку.

– Теперь готово, слава богам, удалось, – с приятной уста-
лостью выдохнул Оселок, – остальное без тебя доделаю, глав-
ное схвачено!

Он плюхнулся на каменный пол.

Деметрий продолжал смотреть в одну точку, руки его мел-
ко подрагивали. Мальчик Пэн сидел открыв рот, изумлённо
глядя на старика.

– Да что с тобой, Деметрий? Хорошо, что я перестал слу-
шать твои непонятные слова, а то вон сидел бы как этот, ра-
зинув рот, – скульптор дружелюбно чуть пнул мальчика, – и
ничего бы не сделал. Пэн, проводи досточтимого философа
в дом на лежанку. Но смотри, именно на лежанку!

Мальчик помог Деметрию встать на ослабевшие ноги и повёл его в дом. Оселок удовлетворённо осмотрел со всех сторон мраморную голову, смахнул похожую на мелкую соль каменную пыль. Отошёл на расстояние и, критически прищуривая то правый, то левый глаз, думал: «Осталось кое-где подтесать, заполировать, и голова знаменитого философа подарена миру. Да-а... мудрец, так его многие называют, хотя я никогда не понимал его речей, а то, что он нёс сегодня, по мне, сущий вздор. “Клянусь честью гражданина свободной...” чего-то там; откуда он взял это?»

Фh5: e5

Настал Федотов день, Федот-Овсяник. Последние листья развернулись у дуба, позже всех вспоминавшего о кроне, и весь лес оделся в зелёный кафтан, шумя им на разный манер.

Конец этой весны ель встречала полная сил, число её колец давно перевалило за полусотню, всё больше и больше шишек родила она на ветвях. Мох стелился под ней мягким ковром, на котором уже высыпал ведьминым кругом гриб – овечья печерица. День окончания травника клонился к закату, и сегодня, в канун разноцвета, должно было случиться важное.

Леший – Цмок, лесовой царёк, зазвал всю лесную-полевую нежить, духов и птиц глухоманных на сбор. И закружилась кутерьма вокруг ели доселе невиданная. Прикатил колесом Аука балагур, сродственник Лешему, умастился на мягкой кочке. Скрипя сучковатыми ногами, приковылял стародавний Пуще-вик с плетёной корзинкой, из которой выглядывали, ростом с ноготок, одноглазые старички – Лазавики, трясинных болот обитатели. К ноге его прилепился ягодный сторож, Моховой, в шубке из шмелиной шерсти. Спустились звёздным дождём облачные лебединые девы, осели полупрозрачные на еловых лапах. Вслед бесшумно прилетели птицы вещие: сладкозвучный Алконост, Гамаюн, Каган, певучая Леснь. Со звонким щебетом кружила над собором Ве-

щица-сорока. Расселись на ветках, стали себе пёрышки золотые чистить. Тут прибежали, веселясь, полногрудые Лисунки, стали тотчас хоровод водить, чуть Мохового не затоптали, а тот не боится, знай только пятки девам щекочет. Настал черёд Берегинь, возникли они водяной капелью и капелька к капельке собрались в образ свой, видимый только детям да путникам, помощи просящим. Проклюнулся из земли и малютка Копша, хранитель кладов подземельных. Уселся рядом с одной из дев лебединых, вынул из своего сундучка бусы искусные и на шею ладную ей повесил, экий угодник! А тем временем из лесных болот, тихих омутищ повылезли Болотницы синеволосые, притекли ручьями, а вместе с ними приплыл и Болотяник, господин ихний. Начали было Болотницы с Берегинями спорить, да примолкнули, потому как зашумели листья у деревьев, ветром свежим повеяло, то пришли первые помощники Лешего: Листин с женой Листиной. Слепые, они ступали на ощупь, а дойдя до места, сели, зарылись в иглы еловые.

И вот! Зажёгся ведьмин круг изумрудным огнём, побежали Хапуны бесплотные, завертелись Каженники бессмысленные, покатались Игоши безногие, Криксы-некрости заюлюкали. Вырос Леший. Ростом с самый высокий ствол, он раздвигал деревья леса дремучего, не ломая ни одно. Длиннющая седая борода свисала до самой земли. Волосы, что пепел седые, были зачёсаны налево, налево же запахнут и бараний полушубок. На плече у него восседала серая

неясыть. Подойдя к гостям, Леший уменьшился до людских размеров. Взмахнув рукой, наклонил деревья, так что собравшиеся расселись по кругу на стволах вековых. И заговорили-загалдели они языком неведомым: кто шумом травы, кто дуновениями ветра, кто кузнечиковым стрекотанием, а кто уханьем филина. Лес наполнился чудными звуками и светом переливным.

В разгар собора лучами невиданными озарился круг. То прилетела Царь-птица златокосая, Лебедь-девица красы неопикуемой. Порхала, порхала, да и улетела, оставляя след себя нить ярых всполохов. Хотел было Каган за ней полететь, да Леший не позволил. Так сидели-рядили полночи, а после завели такой хоровод-плясун, которого давно седые кудри Деда-Всеведа не помнят. Больше всех раздухарились Лисунки, да так распроказались, что залезли на спины к Варколакам и давай им головы откручивать; не любят они их, поганых. Птицы водили свой небесный танец, и от той круговерти светилось небо огненным колесом. Водяные жители пускались струёй вверх и достигали самого месяца. Крошечные Попутники прыгали по плечам Горыни-богатыря. Веселились до самой утренницы, а когда стала Сурья небо красить, тут и разбежались, разлетелись существа небесные, подземные и водяные.

Утром на месте ночного собрания устлана была земля всяким мудрёным сором: золотыми и серебряными перьями, чешуёй, власами и шерстью-куделью на сто шубок да зипунов.

Под сим чудным ковром зашевелился загостивший в лесу и проспавший восход Кутный бог. Поморгал мокрыми сонными глазками. Да и немудрено было ему загоститься, ведь бражки давеча с Полевиком он выпил немало. Мигом подметя сор, наострил он свои ежиные ножки в сельцо, где жил в избе, за печкой. И где у мужика, крестьянского сына, уже стряслись неурядицы без деловитого хозяина-домового.

А ночью на соборном месте долго ещё горела земля светом переливным, и боялись люди ходить в сей колдовской лес.

0 – 0 (чёрные)

Случилось это в обычном московском роддоме, на 2-й Миусской улице, в советское время, незадолго до Олимпиады, после смерти Павла VI. Августовским вечером родились два мальчика с почти похожими фамилиями: у одного – Левин, у другого – Лёвин. Разница в двух не всегда ставящихся точках над буквой. Между тем отличие в происхождении было значительным. Мальчик Левин происходил из древнего рода бердичевских раввинов, переселившихся в Москву незадолго до начала Первой мировой. Мальчик Лёвин по материнской линии происходил из дворян Курской губернии, а по отцовской – из семени уральских казаков. Впрочем, на момент родов все родители относились к одному классу – советской интеллигенции.

У обеих мам роды прошли без осложнений. Новорождённых представили влажным и прекрасным, как у всех рожениц, материнским глазам и, как водится, унесли купать. После сняли параметры, которые оказались очень схожими, надели бирки с фамилиями, запеленали в одеялки. Через неделю молодых матерей вместе с малышами забрали счастливые отцы; при выходе из роддома они столкнулись в дверях, иссиня-чёрный и тёмно-русый, вежливо раскланявшись, подошли к стоящим подле роддома такси, один к салатовой, другой к голубой «Волге». Салатовая машина повезла роди-

телей с новорождённым на Трёхгорный вал, что на Пресне, голубая – на Сумской проезд в Чертаново.

На Трёхгорном ребятёнка с роженицей встречали шумно и как-то по-особенному. Дедушка по отцовской линии Семён Яковлевич прочитал молитву. Расцеловал невестку Аню, сына Игоря и маленького, как уже придумали наречь младенца родственники, Бенъямина, или Вениамина – «для конспирации», шутила бабушка Наталья Иосифовна, мать Анны. Все готовились к обряду бритмила, ведь завтра наступал восьмой день с момента появления на свет. Обрезание крайней плоти требовало присутствия определённого числа людей и, конечно, раввина. Так оно и произошло, в присутствии десяти мужчин и доброго знакомого – рава Тышмана – опытным человеком, моэлем, было сделано обрезание. Для этого были приняты меры предосторожности, все очень боялись привлечь внимание КГБ, задёрнули шторы, заходили в квартиру парами и с выдержанным промежутком. Во время операции и чтения молитвы включили погромче радио, концерт Бородина: «Скерцо» ля-бемоль мажор. Радио, как и всеобщее восклицание «мазл тов!», заглушил необычайно громкий крик младенца. После обряда гости сели за круглый стол, из старинного буфета хозяйка любезно извлекла бутылочку белого вина, специально бережёную на такой случай, и собравшиеся, закусив вкуснейшим маринадом, углубились в житейские разговоры. Не обошлось и без традиционных

анекдотов, вот один из: «Тётя Сима так заботилась о своём молодом муже, что у неё появилось молоко». Только Семён Яковлевич ушёл из-за стола, он не любил пустословных бесед. Зашёл в комнатку к заплаканному младенцу, рядом с которым сидела мать.

– Ну как он, успокоился? – шёпотом осведомился дедушка.

– Да, только заснул, порошок помог. Удивительно, как быстро перетерпел.

Дедушка улыбнулся:

– Знать, праведником будет. К собственной боли относится равнодушно.

Дед пристально посмотрел на малыша, и его длинная седая борода коснулась лица ребёнка.

– Папа, ну куда вы своей мочалкой лезете, – забеспокоилась мать.

– Молчи, неразумная, – рассердился старик и неопределённо хмыкнул.

Так и зажили, родители и родители родителей, с маленьким Веней, все в двухкомнатной квартире, между прочим.

Мальчик рос здоровеньким курносый крепышом, организм развивался нормально, на головке закучерились светлые волосёнки, что слегка обеспокоило родителей и чуть сильнее потревожило стариков (все они «от Адамова колена» с самого рождения были отчаянные брюнеты). Первым задумался мудрый Семён Яковлевич, он всё чаще загляды-

вал в лицо ребёнка, косо поглядывал на невестку и всё больше многозначительно помалкивал, когда какая-нибудь бабка, покачивая ребёнка на коленях, приговаривала:

– Вот какой наследник растёт, умненьким будет, многому научится, всех умней будет.

Дедушка Семён ни с кем не делился своим подозрением – ни с женой Майей Борисовной, ни с детьми. Второй дед, Аркадий Аронович, очень скоро, почти сразу после рождения ребёнка, умер от рака лёгких, а больше никому из родных Семён Яковлевич доверяться не хотел.

Ну как бы то ни было, а ребёнок рос себе, не обращая внимания на некоторое недоумение со стороны взрослых. Стали проявляться качества его характера. На детской площадке он охотно делился игрушками и здорово помогал таким же карапузам, как он, лепить куличики. К маминому неудовольствию, однажды Веня подарил лопатку вместе с ведёрком соседской девочке. Пришлось Анне Аркадьевне идти в гости за стиральным порошком к родителям этой девочки и там между делом в шутку рассказать о событии в песочнице; а как ещё было вернуть игрушки? Этот инцидент стал предметом беседы родителей с маленьким Веней. Он смотрел своими огромными серыми глазами и делал вид, что всё понимает.

Папа, кстати сказать, администратор филармонии, начал сызмальства прививать сыну любовь к музыке, благо инструмент дома был, и не какой-нибудь, а «Бехштайн». В дальней-

шем он рассчитывал учить на нём сына, а пока Вене дали десятиклавишное пианино «Кроха», на котором он и тренькал, раздражая маму, которая считала, что лучше бы сыну развивать моторику, разминая пластилин или глину, чем несносно молотить по дрянной игрушке. Мать Вени преподавала в школе изобразительную пластику.

Другое дело дедушка, он не занимался мелкими разбирательствами, не участвовал в дискуссии о моторике, его интересовали существенные вопросы, поэтому, как только Веня заговорил, Семён Яковлевич наряду с русским языком стал обучать его ивриту. Он много читал мальчику священные тексты из Торы, чтобы, по его словам «через слух закрепились в неокрепшем сознании древние божественные законы», – а осмыслит он их-де потом. Приходя с внуком в молитвенные дома и выслушивая неприятные вопросы, дедушка Семён заверял собравшихся в чистоте мальчугана, показывая справки из поликлиники с совпадением группы крови с родительской; дедушка действительно ходил в районную поликлинику к своему приятелю Николаю Наумовичу Купернику, где тот сделал анализ крови Вени (генетическую экспертизу тогда не проводили), группа оказалась первая, как и у родителей. Это, конечно, было сомнительным доказательством, но дед как-то успокоился.

Минул возраст яслей и детского сада, куда мальчик не ходил, наступила пора школы. Веня, умевший считать до ста, уже немного писать и читать, подкованный ивритом и

знавший наизусть некоторые притчи Аггады, в форме первоклассника с нарядным ранцем за спиной пошёл на торжественную линейку.

Учёба давалась легко, фамилия Левин красовалась под улыбчивым портретом в вестибюле школы. Он, как все дети, любил неподдельно улыбаться и охотно позировал, когда его снимали для доски почёта. Под папиным руководством Веня легко обучался игре на пианино, и отец полушутя называл его вундеркиндом. Родители не могли нарадоваться на ребёнка, дедушка важно рассказывал про внука во дворе и в общине, всё шло отлично. Правда, пару раз случались казусы, на что Семёну Яковлевичу оставалось лишь удивляться.

Например, это было ещё в младших классах, мальчик спросил за ужином:

– А почему мы не считаем Иисуса Христа Мессией? Только лишь потому, что он принёс учение для всех, а не только для нас?

Мама вскрикнула:

– Не смей говорить такие глупости!

Веня очень испугался, ведь мать никогда не кричала на него и всегда была ласкова, а больше мамы он не любил никого, хотя дедушка и учил, что превыше всех надо любить Творца.

Аргументация дедушки на неуместный вопрос была более веской:

– Видишь ли, Бенъямин, – так он называл Веню лишь в

особых случаях, – если бы Иисус Христос был Мессией, он должен был тогда принести мир всем народам. Как сказано у пророка Исайи: «И перекуют все народы мечи свои на орала и колья свои на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать. Молодой лев и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их». Разве это случилось? Разве мир не наполнен страданиями и войнами?

– Но разве это не от того, что люди не услышали Христа, а вместо этого распяли его?

– Слушай и не перебивай, что говорили мудрецы, толкователи этого события, то и есть истина. А то вздумал спорить с учителями! – Дедушка гневно посмотрел на родителей, которых тоже осуждал за несоблюдение галахических правил, особенно за нарушение субботы. – Кстати, а почему он по субботам ходит играть в этот хоккей?

Тут вмешалась бабушка Майя Борисовна:

– Если он не будет ходить в кружки, то это будет как-то подозрительно.

– Ах, мама, сейчас уже не то время, вы продолжаете жить в пятидесятых, – ответила Анна.

– Ну конечно, вы все тут такие молодые и умные! А на секундочку, весь дом на мне висит, и с Веней я сижу вместе с дедом, а вы с ним совсем не занимаетесь, всё по митингам бегаете, плевать вам на ребёнка! – Бабушка сильно разгорячилась, и, как у женщины полнокровной, у неё густо покраснело лицо.

Родители Вениамина действительно часто ходили на митинги в поддержку демократических перемен и даже лично были знакомы с Валерией Новодворской.

– Всё, хватит! Не хватало ещё, чтобы соседи милицию вызвали из-за ваших криков. Пойдём, включишь мне телевизор. – Дедушка встал и поманил пальцем Игоря. Семён Яковлевич презирал телевизор, не любил до него дотрагиваться, но иногда всё же смотрел.

Когда часть родных ушла и за столом остались Веня и мама, она тихо спросила:

– Тебе действительно нравится играть в хоккей?

– Очень.

Вздохнув и немного помолчав, она сказала:

– Какой-то Лёша звонил, пока ты был на английском. Он спрашивал, почему ты не пришёл на тренировку.

– Ну и пусть звонит, он меня жидом назвал, а я ему ответил: сам жид!

Мама подошла к сыну, нежно погладила, поцеловала в макушку.

Шли годы, волосы Веньки потемнели, став тёмно-русыми, глаза так и остались серыми. Ровно перешагнув из одной страны в другую, хоть и чуть меньшую по размерам, юноша продолжил жить и познавать в других условиях. Победы на математических олимпиадах он чередовал с неудачами в хоккее и в результате бросил им заниматься, однако любил смотреть матчи и старался их не пропускать.

Теологические занятия и изучение Пятикнижия вкупе с интересом к науке приводили любопытный ум к серьёзным заключениям. Что стоит, например, его теория, высказанная на праздничном молодёжном собрании в отреставрированной синагоге на Бронной. В ней Веня, в частности, проследивал прямую параллель между древним законом, указанным в Два-рим, об определении еврея по матери и генетическими исследованиями, которые открыли, что у женщин две половые X-хромосомы, а у мужчин одна, соответственно, в два раза больше генетической информации передаётся ребёнку через женщину; чуть позже Вениамин узнал, что у ребёнка пополам мужских и женских генов и что недостающие гены компенсируются другими хромосомами. И хотя учителям понравилось стремление юноши связать древность с научными теориями, ему посоветовали лучше углубиться в изучение Шулхан Арух, правил практического поведения.

В старших классах Веня постепенно стал заниматься общественной деятельностью, ходил на демонстрации в поддержку большей либерализации политики государства, агитировал одноклассников не быть равнодушными к происходящему. И однажды чуть не попал в автозак при разгоне несанкционированной акции у здания МВД, получив несколько ударов по спине резиновой палкой. После этого по настоянию родителей он прекратил митинговую активность, дабы без лишних проблем начать учёбу в престижном институте, светящую ему благодаря скорой золотой медали.

Год поступления в институт стал трагическим, умер дедушка Семён Яковлевич, которого Веня искренне любил и к словам которого прислушивался. Инфаркт. Оказалось, что у него в банке хранились крупные сбережения. Откуда? На этот вопрос не могла ответить даже бабушка Майя. Потом выяснилось, что он завещал всё перовской общине «Шамир» на постройку там синагоги.

В институте Вениамин впервые познал радость женской любви, это случилось после празднования сдачи сессии. Он первый раз выпил вина и опомнился, только когда механически двигал тазом и обнимал свою сокурсницу, лёжа на кафедре в аудитории. Сокурсницу звали Ася. Она ему сразу понравилась, да и неудивительно, ведь то была настоящая красавица, за которой ухлёстывал весь курс. До сих пор они очень мило общались, даже сдружились, но чтоб дошло до такого! Только в мечтах Веня мог себе это представить. Напрягшись всеми мускулами и испытав небывалое состояние боли и блаженства, Веня излил горячее семя в лоно подружки. С непривычки ему показалось, что он справил нужду помаленькому, и, смешно испугавшись, молодой мужчина отскочил. Растянувшаяся в шпагате Ася протянула руки, возвращая его. Он в истоме приник к девушке, жарко целуя её в шею.

– Для первого раза, Левин, ты продержался довольно долго, – прошептала Ася ему в ухо.

Веня немного сконфузился. Он гладил её дреды, водил ла-

донью по прелестному, в веснушках лицу. Она тоже гладила мягкой ладошкой его скулы, подбородок.

– Какой у тебя красивый нос и губы, прямо лицо древнерусского витязя.

– Знаешь, я еврей, – гордо признался он.

– Для меня ты витязь.

С той поры завязался у молодых студентов роман, и ещё какой. Такой, что после месяца отношений Веня решил привести её в дом. И вот это, пожалуй, было ошибкой.

Встретив Асю довольно ровно, мама после её ухода произвела маленький допрос:

– Веня, ты с ней как? У вас серьёзные отношения?

– Да, очень.

– Слушай, я этого знать не желаю. Можешь дружить, гулять там, ходить в кино, но уж, конечно, не думать о серьёзных отношениях с этой веснушчатой гойкой! – разнервничалась мама.

– Ты что говоришь-то, я её люблю, и мне всё равно, кто она!

Веня впервые закричал на мать; оробев от этого, он убежал к себе в комнату и закрылся.

Дело принимало серьёзный оборот. Увещевания родителей и бабушки имели мало толку. Тогда было решено пригласить рава Хаима, пожилого цадика, друга дедушки Семёна.

Когда рав Хаим остался один на один с Веней, он спросил:

– Беньямин, ты убеждён, что по материнской линии у неё нет ни капли нашей крови?

– Меня мама уже просила узнать у неё об этом и, если найдётся, принести справку. Но Ася сказала, что нечего и искать, да и унижительно это.

Тогда рав сказал:

– Послушай, мальчик мой, я не буду говорить тебе о молодости и всяких чувствах, но внемли одну вещь. На протяжении тысячелетий наш народ, подобно реке, тёк по самой разной местности, по равнине и горам, по болотистым поймам и лесам, впадал в озёра, пруды, болота, но вытекал оттуда чистым потоком. Были времена, когда наше русло мелело, были, когда оно замерзало, но всё же река несла свои воды и подо льдом. А теперь представь, если, как ты, сначала немного, потом всё больше и больше евреев захотят отделиться от основного потока и утечь в сторону, что будет? Правильно, река пересохнет, и останется сухое потрескавшееся русло. И ответь мне, эти тонкие, скудные, отделившиеся струйки куда-нибудь дотекут? Нет, они или очень скоро сами пересохнут, или впадут в другие потоки. А в отличие от нашей реки, разве знаешь ты, куда текут они? Наша же река несёт священные воды, и поток её уходит в небо к Всевышнему. Подумай об этом, мой мальчик, и ещё подумай, что бы сказал твой дедушка, который сейчас смотрит на тебя с небес.

По выходе от Вени рав Хаим обратился к родителям:

– Слушайте, надо срочно приискать ему симпатичную ев-

рейку из общины, и, извините, сексуальную, на фото та его девица очень соблазнительна, вот он и подвергся искушению.

Вениамин, лёжа на кровати в своей комнате, переосмысливал всё сказанное. Слова рава прокручивались в мозгу, острыми шестернями срезая всё, что он себе намечтал. Милое сердцу веснушчатое лицо Аси с чуть пухлыми, никогда не испачканными помадой губами, сине-зелёными, слегка раскосыми глазами не шло из памяти. Голова начала сильно болеть, и, чтобы хоть как-то отвлечься, Веня решил пойти на хоккей, сегодня как раз был матч его команды.

Шмыгнув мимо кухни, где мама и бабушка что-то стряпали, он вышел во двор и направился к метро.

Красочный баннер перед Дворцом спорта на Ленинградке анонсировал дерби между клубами «Динамо» и ЦСКА, за последний и болел Веня. Купив билет, он зашёл на трибуну фанатов ЦСКА, поближе к скамейке команды.

В первой тройке играл восходящая звезда, нападающий Мирослав Лёвин, под номером 43. Матч начался нервно, уже сразу динамовцы провели несколько опасных атак и нанесли пару разящих бросков, было видно, что они переигрывают армейцев. Давление нарастало. Голкипер с защитой еле справлялись с натиском соперников. Но тут в центре площадки произошёл обрез, неаккуратно сыграл защитник динамовцев, и Лёвин, перехватив шайбу, стремительно выкатился один на один с вражеским вратарём, обманное дви-

жение, страж лежит на льду, бросок под перекладину. 0:1! Герой начала матча Лёвин, радостный, подкатывает к скамейке, получает поздравления и поднимает взор на трибуну, приветствуя зрителей. Тут они встретились взглядами. На секунду у хоккеиста пропадает улыбка, глаза застывают, впрочем, это продолжалось лишь мгновение. Уже звучит свисток судьи, игра продолжается.

Вениамин, опешив от странного ощущения, решил сходить за водой в киоск, находившийся на выходе с трибуны. Когда он поднимался по лестнице, у него забренчал телефон, номер был её. Веснушчатая мордашка высветилась в памяти, дрожь спринтом пробежала по телу.

– Привет, Ася, – начал Веня волнуясь.

Кс3 – d5

Подойдя к дорожному фонарю, Саша вытянул руку, став похожим на дуче, приветствующего своих итальянских солдат в смешных пилотках. Машины пронеслись одна за другой, никто даже и не думал останавливаться. Наступали сумерки. Когда Саша уже почти потерял надежду и собирался было возвратиться к дяде, остановился новёхонький «Ниссан».

Александр, подойдя к тёмно-синему боку, открыл дверь. Салон машины дохнул тёплым воздухом, смешением одеколona с сигаретным дымом.

– До Москвы довезёте?

– Садись, – не спрашивая о деньгах, сказал водитель.

За рулём сидел мужчина средних лет с модной небритостью щёк, одетый в элегантный пиджак поверх розовой рубашки. В холодную погоду так одеться мог лишь хорошо обеспеченный человек, слуга большого капитала. Удобный салон, нашпигованный электроникой, отделанный красным деревом и скрипучими кожаными сиденьями также говорил о состоятельности владельца. Об этом свидетельствовал и претенциозный золотой перстень на мизинце правой руки мужчины. Забавное нэцке улыбающегося толстяка болталось на зеркале заднего вида. К панели управления были приклеены традиционные иконки: Иисус, Божья Мать и Никола.

– За сколько подвезёте?

К Саше повернулось красивое лицо водителя:

– Ты из Соснового? – спросил вместо ответа мужчина.

– Нет, к дяде в гости ездил, так сколько?

– В сауну со мной сходишь? – Потом, рассмеявшись, добавил: – Да ладно, мне по пути. А где твой дядя живёт?

– За больницей, около пруда.

– Это не в синем ли доме? – оживлённо заинтересовался водитель.

– Да, в синем.

Мужчина засмеялся.

– Значит, Анатолий Михайлович – это твой дядя. Понятно...

– А что такое? – несколько обидевшись за дядю, спросил Саша.

– Да нет, ничего. Просто его считают... странным, ты не обижайся, я его сам знаю. Он приходил к нам на завод, говорил, что сделал анализ воды, и она не соответствует норме, предлагал какую-то технологию по очищению на основе серебра. Но его, понятное дело, мягко проводили.

– Это похоже на дядю Толю.

– Как раньше в деревнях были свои колдуны, которых опасались, или сельские изобретатели, над которыми подсмеивались, так и сейчас. Твой дядя считается у нас и тем и другим.

Они беззлобно посмеялись. Потом значительно помолча-

ли.

– Хотя смех смехом, а дети у нас стали пропадать. Я слышал, что говорят, типа, маньяк завёлся. А из жителей первый в списке на маньяка Анатолий Михайлович.

– Нет, что вы! Он совершенно безобидный человек, просто одинокий и со своими причудами, но он нормальный в этом смысле, – защищал дядю Саша.

Опять помолчали. Водитель достал рельефный серебряный портсигар, предложил пассажиру; получив отказ, закурил сам.

– А вы работаете в компании питьевой воды?

– Угадал, более того, управляющим, поэтому отвечаю – водица у нас отличная! И женский персонал, кстати, тоже. Только что проверил одну менеджершу в кабинете, очень умелая оказалась. Представляешь, бывшая акробатка!

Мужчина сделал самодовольную мину.

– Будет он, наконец, обгонять? Уже полчаса ни туда ни сюда.

Действительно, слева от «Ниссана», чуть позади, параллельным курсом ехала белая иномарка. Было впечатление, что её водитель хотел совершить обгон, но всё не решался.

Ехали по Калужскому шоссе, подъезжали к городу Троицку с его долгими светофорами. На въезде в город «Ниссан» остановился прямо перед стоп-линией. Взревев двигателем, белая иномарка подъехала с левого борта, её дверные стёкла синхронно открылись.

– Ложись!!! – заорал водитель, ныряя вниз и правой рукой открывая бардачок.

Всё случилось так быстро, что Саша, вспоминая произошедшее, диву давался, сколько действий за крохотный промежуток времени было совершено. Адский огнестрельный грохот, прошивание пулями всех частей салона, ответная стрельба из пистолета, чудом вытщенного водителем, открывание двери, через которую Саша ползком вылез из машины. И уложилось всё это в несколько секунд.

Обсыпанный стёклами, Саша заглянул в салон, когда стихла стрельба и уехала, визжа стираемой резиной, белая иномарка. Казалось, что там не могло быть никого живого: порванные пулями кожаные кресла и обшивка, раскрошенный пластик, расщеплённое красное дерево, разбитые стёкла убедительно свидетельствовали об этом. Изогнувшись в невероятной позе, между креслами и приборной панелью лежал водитель. Он был жив. Израненный осколками острого стекла, мужчина с трудом пытался выбраться наружу. Саша помог ему вылезти. Сев на обочину, осмотрели себя. Невероятным образом они были целы, только лёгкие царапины. Ни одна пуля не попала в людей.

Саша вынул из кармана телефон с пятью пропущенными вызовами от Геры. Тупо посмотрел на время и тут же его забыл.

– Что это было? – не узнав свой голос, спросил он.

– Бандюки. Уже давно подкатывали, угрожали, недавно я

их послал, крепко послал... не думал, что на такое решатся.

Огляделись. Старые деревянные домики, продуктовый магазин, рядом придорожный автосервис. Из покосившейся избы вышла старушка. Многочисленные машины объезжали место боя. Подбежал низкорослый лысый мужичок из автосервиса, стал осматривать автомобиль.

– Ай-ай-ай, – причитал он, обходя «Ниссан», – ай-ай...

Проезжавшие мимо машины нервно сигналили, так как управляющий и Саша встали посреди дороги. Но рождённым в рубашках людям было всё равно. Мужчина из автосервиса активно начал предлагать свои услуги:

– Слушай, брат, я тебе могу всё починить, поправить, недорого, брат, договоримся, вот мой сервис. – Он указал на подсвеченную софитами вывеску с другой стороны дороги: «В ДОБРЫЙ ПУТЬ, БРАТ».

В это время Саша смотрел на расстрелянный борт машины, не веря своим глазам. Дело в том, что пулевые отверстия до ужаса напоминали точечный рисунок. Чтобы проверить своё невероятное подозрение, он взял из салона сумку, одна пуля попала-таки в неё. Достал рисунок. Простреленная передняя дверь вроде бы совпадала с рисунком, только в продырявленном месте, в углу листа, не было ясности, все остальные точки сходились.

– Стреляли из автомата и чего-то типа «Узи», диаметр отверстия разный, я в армии с пистолетом-пулемётом не сталкивался, но слышал, в девяностых его активно использова-

ли наряду с «Калашниковым», – на удивление спокойно рассуждал водитель, разговаривая с владельцем сервиса. – Ёб! Надо же ментам позвонить.

Но в телефон с титановым корпусом попала пуля, возможно, он спас своему владельцу жизнь. У Саши не оказалось денег на счету, тогда выручил хозяин сервиса.

– Сейчас позвоню, у меня там мобильник, а потом всё сделаем, всё починим, брат, как новая будет. – И хозяин побежал через дорогу звонить.

Саша всё не мог поверить увиденному. Загорелся красный сигнал светофора, он автоматически поднял на него глаза. Около трёхглазого столба располагался щит, обычный рекламный прямоугольный щит, на нём была надпись: «Да хранит тебя Бог, Он любит тебя и защищает», внизу была подпись: «Евангельская Церковь Страшного Суда», – ещё ниже: «изготовление баннеров наружной рекламы зао Мелькарт».

«Мелькарт... Мелькарт... Дядька, ты прав! Вот твой детерминизм в действии: звено за звеном выстроилась цепь событий и замкнулась! Это не может быть просто совпадением».

Пока Саша с благодарностью вспоминал дядю, управляющий отодрал иконки от панели и выбросил пистолет, с собранными от него гильзами, в прогалину ещё не оттаявшего небольшого прудика, рядом с дорогой.

– Приедут менты, ты им не говори про пушку, я её нелегально приобрёл, иначе придётся им много бабла отвалить, а

у меня сам видишь, какие траты в будущем. Тачку, конечно, новую придётся покупать, а эту... хочешь, тебе подарю?

– Да нет, спасибо, у меня только железнодорожные права, – сдохмил Саша.

– Ну, как знаешь. Меня Дима зовут.

– Александр.

Две руки, одна поменьше, другая побольше, соединились.

Лf8 – e8

«Какой хороший хот-дог», – подумал Иван, брызгая майонезом на белую рубашку. Не сильно огорчившись, не видно же, он скоро проглотил пищу и отправился быстрым шагом из харчевни через дорогу к своему институту на Войковской. В животе шла работа.

Аспирантура тяготила Ивана, скучал он и во время студенчества на филфаке. В аспирантуру, как, собственно, и в институт, его устроила мама, декан в том же заведении. Но небольшие плюсы обучения компенсировали огромные минусы вне его, отсрочка от армии была существенным довеском в плюсовую чашу, Кант, Фейербах, Бердяев и Розанов – груз в минусовую. Не так давно положительную чашу жизни утяжелила Дана, девушка с фиалковыми глазами и сильным телом, увенчанная светлой копной волос. Правда, в последнее время она начала его напрягать. Тем не менее они удобно жили вместе в квартире на Соколе. Родители Ивана выдавали ему сумму на жизнь, пока идёт учёба, и он тщательно скрывал это от подруги.

Последний раз он исполнял скучную процедуру сдачи темы полгода назад. Тема называлась «Происхождение и сущность сознания», он её не понимал и даже не пытался. Сейчас же он вообще выключился из учебного процесса, инфантильно надеясь на родителей и имея в своём пассиве два ака-

дема. В институт же он зашёл за жалкой, но тем не менее законной стипендией в 4,5 тысячи рублей.

После получения денег, по старинке, в старомодном окошечке, прорезанном лет пятьдесят назад, Иван сел в трамвай и поехал на курсы автовождения в недалёкое Коптево. Отец, профессор ВШЭ, обещал купить машину после окончания аспирантуры.

Дана ждала его уже в стареньком «Шевроле» на сиденье пассажира. Садясь в водительское кресло, Иван машинально пристегнулся, затем поцеловал любовницу.

– Как твоя сдача? – спросила девушка.

– Нормально, – вяло ответил Иван.

Они познакомились в автошколе, где Дана работала инструктором. На третьем практическом занятии, на выезде со стоянки, он врезался боком в крыло скромной легковушки. Дана, отборно обругав Ивана, поменялась с ним местами и, доехав до тихого места, сняв внутреннюю панель с двери, ловко выправила вмятину. Чувствуя вину, он не нашёл ничего лучше, как поцеловать своего инструктора, сделал он это скорее из страха, чем от смелости. Сублильному Ивану сразу понравилась крепкая фигура Даны, её резко вырезанные крупные губы. Чары мужчины смешались с не дремавшим желанием женщины, и в машине у них всё случилось. Через шесть занятий они стали сожителем.

– Сегодня у Антона встреча.

– Сегодня? Ручник опять забыл! Сколько раз говорить,

балбес!

- Ой, сорри... вечером к восьми.
- Хорошо. Поворотник включи. Что делать будем?
- Шашлыки в центре Москвы, это уже круто.
- Тёлки будут?
- А как же!
- Сейчас налево. Я надеюсь, Али не будет?
- Я ей не хозяин. Успею?
- Нет, тормози. Тормози, говорю!
- Успел. Испугалась?
- Дурак ты, Ваня.
- Ничего... прямо?
- Да, и налево.

Этим вечером в студии на Чистых прудах собралась приятная смешанная компания. Присутствовали: Антон – хозяин, дизайнер; Николай – программист; Ян – гость из Чехии, журналист; Леля – модель; Аля – коллега Антона, художник, и Валентин – мелкий работник банка. Пожарив в крохотном дворике баранину, компания поспешила уйти под крышу студии из-за начавшегося дождя.

Студия с выходом в замкнутый дворик-колодец занимала полуподвальное помещение, в котором когда-то располагалась типография, печатавшая «Окна РОСТА» Маяковского. После древней винтовой лестницы, ведущей вниз, радостно было очутиться в недавно отремонтированном помещении с

белыми стенами и подвесным потолком. Широкие и остроумные рекламные плакаты обоями оклеивали стены.

Фоном для беседы ненавязчиво служил фильм «Чапаев». Исполнитель главной роли Бабочкин тщетно сыпал своими афоризмами под сатанински весёлый гомон компании, одобренной разными невинными алко- и наркостимуляторами. Хозяин студии предложил старую добрую игру в фанты. Принятый допинг способствовал одобрению этой идеи, только Дана промолчала. В шапку-ушанку каждый положил свою вещь, ведущий, в его роли выступал Антон, отворачивался, а доброволец вытаскивал предмет и спрашивал: что делать этому фанту? Ведущий придумывал задание. Первым фантом довелось быть Валентину, Аля вытащила из шапки его флешку.

– Расскажи, Валик, о своей грёбаной скучной работе, да так, чтобы нам было интересно, – скомандовал Антон.

Валентин, худющий бледный онанист, принялся рассказывать о своей службе в «Русофобанке»:

– Начну с самого первого шага. Ещё на собеседовании, до принятия на работу, нас осматривает врач-психолог, он даёт нам покурить анашу и спрашивает, что мы видим, показывая разные картинки. На первой, помню, был крысиный король, на второй сон в лютый мороз, на третьей присоединение России к Австралии. В общем, тест я прошёл. Потом меня привезли на хлебозавод и, как я ни сопротивлялся, связали и окунули в тесто, из которого в дальнейшем планировали

делать манну небесную. Честно говоря, я не совсем понял, зачем это со мной проделали. Следующее испытание заключалось в том, что меня без копейки денег свалили в один из арбатских переулков и наказали жить там, на улице, неделю, а потом явиться в офис с тысячей долларов в кармане. Как у меня это вышло, даже не спрашивайте, не скажу под пыткой, но факт в том, что и это испытание я прошёл. Ну а непосредственно перед началом работы в банке всех прошедших отбор собрали в конференц-зале. Мы дали клятву на Библии Ротшильда, которую внесла на себе гигантская черепаха; она очень долго вползала на середину зала и наконец, достигнув его, замерла. Зазвучал марш. В помещение вошли три карлика и вручили нам сухие листья клёна, на которых была написана клятва. Нужно было встать на колени и произнести: «сервитут аннуитет авизо», потом съесть молодую шишку пинии, это сосна такая. После ритуала нас всех повели в Сандуновские бани, где на мраморных скамьях возлежали обнажённые... (тут он запнулся, он всегда запинаясь в подобных случаях) ...девушки. Они стали ублажать нас весь вечер и всю ночь.

Следующим фантом стала Леля, Валентин вытащил из шапки её кольцо. Антон мигом придумал ей задание: съесть кусок мяса. Леля была веганом, об этом все знали, поэтому ведущий и придумал это иезуитское испытание. Модель отказалась, но узнав, что по правилам её залог заберёт тот, кто не побрезгует выполнить назначенное, давась и злясь на ве-

душего, протолкнула баранину внутрь своего плоского тела. Пошарив в шапке, она вытащила ключ, хозяином которого был Николай. И опять Антон изуверски-пакостно огорошил товарища. Ему предстояло прочесть свой стих. Николай действительно сочинял стихи, но очень стеснялся их обнаружить. Однажды, по большому секрету, он поведал Антону, что сочиняет свои вирши из любви к Але. Крупный, даже толстый Коля с бородой хипстера был склонен краснеть по любому поводу, и этим часто пользовались его неделикатные приятели, им так нравилось вгонять его в краску.

Неуклюже выйдя на середину комнаты, красный, как эритроцит, Николай начал:

– Среди травы на поле ты растёшь.

Свой свет среди камней несёшь.

Как солнце ночь сменяет утром рано,

Ты будешь радость нам дарить, прекрасная Диана.

Кончив, он осмелился взглянуть на Алю, но сразу отвёл глаза в пол. Николай слукавил, окончание его стиха на самом деле было «прекрасная о Аля», но он изменил концовку, не решившись выложить свои чувства.

Аля, подвижная, среднего роста бабёночка, имела живые, горящие любопытством глаза, это, наряду с безошибочным построением тела, и располагало к ней людей. Вспотевшими пальцами Николай достал её зажигалку.

– Ну-ка, Аль, подтянись хотя бы три раза, – великодушно

приказал Антон, указывая на турник, висевший над дверью.

Девушка, смешно суча кроссовками, подтянулась два раза и, не дотянув до третьего, соскочила. Выкупить вещь бойко вызвался Ян. Не сильно напрягая мускулистое тело, он подтянулся пять раз и торжественно отдал зажигалку Але.

– Курить вредно, – сказал Николай, густо краснея.

Ян был следующим фантом, Аля достала его зубочистку. Николай заметил про себя, что сделала она это без малейшей брезгливости.

– А расскажи-ка ты нам, пан кнедлик, как у вас в Чехии обходятся с русскими туристами, только в духе пражской готики.

Хорошо говорящий по-русски чех, ездивший в Москву для участия в заседаниях разной политической шушеры, жеманно начал повествование с лёгким акцентом:

– Сперва скажу, что все русские туристы, приезжающие к нам в Прагу, попадают на заметку в специальный отдел полиции. Этот отдел занимается слежкой за ними. Наибольший интерес представляют одиночные туристы, ну, в крайнем случае обособленные парочки. Их обычно ведут по заранее отработанному маршруту: Мала-Страна – Старе-Место, через Карлов мост и в Еврейский квартал. В первом районе туристов привлекают знаменитые чешские пивные, но если вы заметите, шпикачки, которые там подают, очень странные. Их вкус ни на что не похож. Всё потому, что делают их из горе-туристов. Вы спросите, как это получает-

ся? Отвечу. Русских бедолаг очень интересует техника, вы знаете, что в пражских пивных есть отличное изобретение: игрушечная железная дорога; такой паровозик с вагончиками, который привозит алкоголь – пиво, сливовицу, бехеровку и так далее. Русский обязательно заинтересуется игрушкой и спросит кельнера: «А что это у вас такое и как оно работает?» На что кельнер предложит вам посмотреть операторскую комнату, из которой ведётся управление, и даже самому в нём поучаствовать. Заинтересованные простофили с радостью согласятся, и в этом будет заключаться их погибель. Никакой операторской комнаты, конечно, вы не увидите, зато вас мастерски разделяют на части в так называемой мясной кладовке. Другой вариант – заманить лохов из России в музей Старого города. Там их много. Но вы спросите: музей не пивная, как же в них можно так запросто разделить человека, превратив его в гуляш? Опять-таки отвечаю: при всех музеях есть служебные помещения, но только при чешских они оборудованы крюками и удобными разделочными столами.

– А как же потом быть с такими пропажами туристов? – не выдержала Дана.

– Отвечаю, ты же не дослушала, – в конце шестнадцатого века жил в Праге один раввин, Йехуда бен Бецалель, и вот он с помощью каббалы создал знаменитого Голема, который был призван защищать евреев от гонений. Но со временем Голем вышел из-под контроля и стал убивать мест-

ных жителей; тогда раввин усыпил его и закопал на еврейском кладбище. Учёным Чехии, открывшим место захоронения Голема, удалось вернуть его нетленное тело к жизни и разбудить. Они научились использовать его для очень специфической работы, как раз то, о чём ты спрашивала – решение проблемы возвращения туристов. Достаточно принести хотя бы один палец жертвы, чтобы Голем смог создать за одну ночь клон пропавшего человека. Как он это делает – я не знаю, но точно известно, что клоны, возвращающиеся из Праги в Россию, – это уже не те люди, что раньше. Это своеобразные зомби, у них начисто пропадает любовь к Родине, они приобретают толерантность, на просьбу о помощи эти возвращенцы вам ответят: «К сожалению, это не моя проблема». Может быть, поэтому в советское время ваших граждан не очень-то выпускали за границу. И кто знает, сколько сейчас таких зомби-клонов, возможно, они есть и среди нас...

Ян умолк.

– Бред полнейший, у меня тётка жила в Праге, и все к ней ездили, – скривив губы, бросила Дана.

– А мне понравилось, – призналась Аля.

– Да, неплохо придумано, – согласился Антон.

– Придумано? Это чистая правда! – театрально возмутился Ян и закатил глаза до страшных белков.

Предпоследним фантом стал Иван. Антон загадал ему позвонить по взятому из начальных цифр его же скидочной

карты какого-то магазина номеру и разыграть того, кто ответит. Иван набрал названную комбинацию цифр, прибавив восьмёрку и девятку; послышались гудки. Наконец женский голос ответил.

* * *

– Привет.

* * *

– Это Руслан.

* * *

– Твой верный друг.

* * *

– Друг.

* * *

– Тебе, Людмила, кому же ещё?

* * *

– Ты уже побрила лоно?

* * *

– Лоно – это то, что некоторые женщины берегут больше всего; так ты его уже побрила?

* * *

– Я же сказал – твой друг Руслан.

* * *

– Нет, я здоров. Мне просто интересно, как ты подготовилась к встрече со мной, ты надела мои любимые серьги?

Было слышно, как в трубку что-то прокричали.

– Сбросила почему-то.

Иван сиял. Находящиеся рядом друзья явно оживились.

– Ты прирождённый пранкер, – похвалил Антон.

– Дай мне свой телефон.

Иван снова набрал номер.

– Нет, так просто она от меня не отделается.

Где-то снова ответили на звонок.

– Зачем ты бросаешь трубку, я всего лишь хотел спросить

– ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

– Поставь на громкую связь, – предложила Леля.

Иван исполнил пожелание. Вот какой вышел разговор, с учётом глушения самого неумелого и нечистоплотного мата:

– Алло, ты кто?

– Я – Руслан, собираюсь заняться сексом с Милочкой.

– Ты... дровичливый, сука, если ещё раз сюда позвонишь, твой номер пробьют по базе, и я тебя найду. Ты не знаешь, с кем связался... Ты меня понял?!

– А у тебя сейчас что во рту, ты как-то странно говоришь?

– я твою мать ... и тебя ... ты ... кровью обхаркаешься, я тебе железную щётку в ... засуну, так, что она изо рта у тебя вылезет, понял!!

– Позови Милу, подруга, – как ни в чём не бывало попросил Иван.

– Ну всё, тебе ... я тебя найду, ушлёпок! Отрежу ... и запихну в рот!

– Себе?

– Тебе!! А потом отрежу ... и скормлю твоим родителям!

На неведомом конце дождём пошли гудки.

– Полное дерьмо.

Это сказала Дана. Иван только сейчас посмотрел ей в лицо, на нём была смесь презрения и скуки. Самодовольная улыбка парня превратилась в неприятное выражение.

– Всё, ты честно отработал свою ручку. Остался один фант, это ты Дана.

Антон вынул брелок с надписью «Минск».

– Этому фанту надо поцеловать девицу Алю в... ладно, в пупок. И закончим на этом.

– Да пошёл ты!

Дана вырвала из его руки свой брелок и быстро вышла из студии. Немного помешкав, Иван отправился её догонять.

0 – 0 (белые)

В Чертаново новоиспечённых родителей встречала вся родня, которая смогла приехать. Бабушки с шумом и трепетом передавали из рук в руки дитя, так, что Ирина, мать ребёнка, занервничала.

– Аккуратно, не уроните! – испуганно вскрикнула она.

Но никто и не думал ронять маленького, сморщенного в плаксивой гримасе человечка. Все наперебой предполагали, на кого же похож младенец. Дедушка со стороны отца, Олег Григорьевич, взялся научно обосновать схожесть с тем или иным родителем. Был он по профессии антрополог и в своё время участвовал в группе профессора Герасимова, воссоздавал внешний облик древнерусских князей и княгинь. Однако пока он не смог с точностью определить, на кого же похож малыш. Являясь большим любителем старорусских имён, дедушка предложил отцу мальчика, Кириллу, назвать ребёнка Мирославом. Он трудно выбирал между Святогором, Родиславом и собственно Мирославом, в итоге остановился на последнем. Кирилл согласился, мать дитяти с ним не спорила, в принципе, имя ей казалось даже оригинальным.

Долго ли коротко, но через неделю по настоянию бабушки со стороны матери Елены Романовны младенца решили крестить. Поскольку в Чертаново действующих церквей не бы-

ло, поехали в церковь Илии Пророка во 2-м Обыденском переулке. После счастливые родственники собрались за длинным столом, ломившимся от доступных в то время яств. Бабушки с помощницами дочерями и невестками сумели из простых продуктов приготовить довольно сложные и вкусные блюда. Кроме близких и не очень родственников присутствовали друзья и даже друзья друзей, еле вместившиеся в недавно полученную двухкомнатную квартиру. Было очень весело и шумно. Так получилось, что люди подобрались разного возраста, профессий, положений и характеров, сказать прямо, не все друг друга любили, у некоторых тлели в душе старые обиды, но всех их крепко объединил за общим столом слабый, маленький кричащий комочек.

Мама ребёнка всё никак не могла отойти от своего малыша. Тесная комнатка, где уже засыпало создание, казалась ей расширившейся до пределов вселенной с момента появления новой жизни.

– Ира, тебя к столу зовут, – позвал Олег Григорьевич, входя в комнату.

– Иду-иду; правда, он чудо?

– Конечно, чудо, только вот не могу определить, на кого он похож? – призадумался дед.

– На папу, наверное, – улыбнулась Ирина и пошла к гостям.

– Может быть, может быть...

Летело время, Слава развивался, жадно получал знания

об окружающем мире, и его тёмно-карие очи светились неутолимым любопытством. Как все новорождённые создания, он предельно округлял удивлённые глаза, пытаясь охватить как можно больше предметов вокруг, тянулся к ним, пробовал, если удавалось достать, на вкус.

Мальчик, однако, не походил ни на одного из родителей, но это заинтересовало только Олега Григорьевича, и больше с профессиональной точки зрения. Он почему-то вспомнил, как в одной из древних гробниц вместо скелета ребёнка были найдены останки двух взрослых людей. А бабушка Нина Юрьевна, мама Кирилла, припомнила, что её бабка вышла замуж за казака-черкеса, и возможно, от него, через четыре поколения, мальчик унаследовал черты, схожие с южным типом. Вообще парень был настолько улыбчив и покладист, что никто и не думал ни о чём, кроме как «и какой же он милый и симпатичный мальчик».

Маленькому Славке, как всем детям, очень нравились сказки, читаемые бабушками, особенно он любил послушать про «Мену, или Глупого мужика». Позже, играя во дворе, он между делом рассказывал друзьям ранее услышанное и выученное наизусть. На удивление и гордость взрослых, мальчик запоминал всё с первого раза. В садике ему поручали чтение стихов на утренниках, что Славик исполнял со всей серьёзной до смешного ответственностью.

В связи с наступлением перестройки и гласности родители Славы принуждены были много трудиться, причём на

двух работах. Ирина работала в НИИ электроники и по совместительству вязала шарфы, Кирилл, являясь мастером спорта по фигурному катанию, преподавал в техникуме физкультуру и вёл занятия по аэробике в секции по вечерам. Две бабушки и один дедушка, второй умер до рождения Славы, жили отдельно, получали маленькую пенсию и талоны, которые предприимчивая Нина Юрьевна собирала у всех родных и успешно реализовывала, выгадывая прибыль. Так и жили, вспоминая заповедные времена спокойного течения и ругая наступившие времена слива в канализацию; впрочем, как выяснилось позже, бывают периоды и похуже.

Немного смущала близких не по годам развитая деловитость Славы, или, лучше сказать – излишняя расчётливость. Однажды он вдруг сообщил, что неплохо было бы наладить продажу маминых шарфов не через фабрику, а частным образом, организовав свою кооперацию. Это предложение было сделано в младших классах.

Дедушка, старавшийся как можно чаще бывать с внуком, рассказывал Славе о войне, в которой участвовал до ранения в живот в сорок третьем, и мальчик просто обожал эти минуты, открыв рот внимал каждому слову. Не менее сильно завораживали ребёнка повествования деда о работе в мавзолее Тамерлана и истории об усыпальницах Московского Кремля. В итоге Славик так сильно привязался к дедушке, что каждого его приезда ждал с нетерпением.

Отец Мирослава, радуясь широкому интересу сына к зна-

ниям, решил привить ему здоровое физическое воспитание – Слава рос не слишком крепким и часто прибалывал. Хоккейная секция, по мнению папы, должна была поправить дела со здоровьем. Так оно и произошло, через некоторое время паренёк совсем окреп и из хоккейной коробки, как говорила бабушка Елена Романовна, его калачом нельзя выманить. Что было, конечно, утрированием.

Летом Слава проводил время на даче в Подмосковье, где гонял в футбол, купался в речке и воровал с пацанами яблоки в запущенном саду заброшенного дома отдыха. Это было удивительное время начала девяностых, старое без хозяина пришло в упадок и стало разрушаться, а появившиеся нувориши ещё не успели захватить всю бывшую госсобственность на местах.

Сначала ребятам было где играть в любимый футбол – поле на опушке леса недалеко от деревни находилось в их распоряжении. Они сами поставили ворота, сами скашивали траву. Никаких ссор, а тем более драк дачных с деревенскими не было, наоборот, подружившись, по нескольку раз в неделю играли друг с другом до изнеможения, потом брали велики и все вместе ездили на реку смывать пот. Во время матчей зрителями были старый дед, выпасавший неподалёку коз, и мелкая ребятня, глазевшая с уважением и завистью на взрослых парней, изредка ругавшихся запрещёнными для них словами. Но эта идиллия продолжалась до тех пор, пока на месте поля и части леса, где в изобилии росли благород-

ные грибы, не началось строительство виллы сына бывшего министра экономики. Территорию быстро огородили забором, поверх которого пустили змеёй колючую проволоку. Слава с ребятами наивно разрисовали мелком кусок ограды, изобразив хозяина в виде полового органа с обидными для него подписями.

Нужно было искать другую поляну для игры. И её нашли на бывшем корте дома отдыха.

Жарким днём, когда мальчишки нарвали достаточно яблок в саду, было решено сыграть в футбол на корте, среди яблонь и вишен. Мяч привезли с собой, и за временем дело не стало, разделились на команды, начали играть. Слава в игре был если не лучший, то один из, недаром с самого начала занятий спортом он выбрал кумиром Всеволода Боброва, игравшего отлично как в хоккей, так и в футбол. Через полчаса беготни на жаре многим захотелось пить, но никто не додумался взять с собой воды. Кроме Славика. Он благо- разумно положил пластиковую бутылку в тень, чтобы она не нагрелась на солнце. Один из пареньков, найдя бутылку, решил утолить жажду и недолго думая отвинтил пробку. Начал жадно всасывать жидкость. Это увидел Слава. Гнев охватил его, он дико закричал наглецу:

– Это моя вода, положи!!

Тот оторопел от такой реакции, они были знакомы достаточно давно, и ничего подобного вроде не должно было быть. Он в обиде бросил бутылку, крикнув:

– Да подавись!

Вернувшись домой, Слава рассказал о случае родителям с искренним возмущением. Родители же отнеслись к этому несколько по-иному, так, папа объяснил, что, конечно, товарищ должен был спросить разрешения, но жмотничать и кричать тоже не следовало. И что в его время также на футболе в жару если кто видел воду, то он обычно не спрашивал, а пил, и, в общем-то, это нормально, разумеется, если не было выпито слишком много и если ей не умывались. Ну и дальше в таком духе. Мама, сидевшая рядом, почти совсем не участвовала в воспитательной беседе, она только смотрела как-то отстранённо, поглаживая уже округлившийся живот в ожидании второго чуда. После разговора Слава задумался.

Надо отметить, что не все любили Славу Лёвина, может быть, потому, что у его отца была машина, подержанный «Фольксваген», а может, потому, что он хорошо играл в футбол и хоккей.

В школе любимыми предметами у Славы были физкультура и история. С последней и случались казусы на уроках в разных классах. Например, в пятом классе, отвечая у доски по теме «Татаро-монгольское нашествие», он высказал гипотезу о мифе ига и нашествия на Русь; когда учитель спросил, где Лёвин это вычитал, тот ответил, что в книге Фоменко и Носовского «Новая хронология». Учитель объяснил, что это псевдонаучный труд и лучше бы ему ориентироваться на

учебник. В шестом классе Слава опять отличился, заявив о садистских приёмах Петра I и узурпаторстве Екатерины II; учитель поставил ему двойку. Слава богу, хоккей в жизни Мирослава стал занимать всё больше и больше времени, поэтому на нестандартные исторические выводы у него не оставалось времени. Последней крамолрой в таком духе стало предположение, сделанное в восьмом классе, о вынужденной необходимости нападения Германии на СССР, об исторической неизбежности нанесения превентивного удара, так как не случись этого, было бы нападение Советского Союза, у которого имелись уже чёткие планы оногo. У него осведомились: откуда столь экстравагантные предположения? И узнав, что это вычитано у гэбэшника-невозвращенца Резуна, выгнали из класса.

Этот инцидент заставил подключиться тяжёлую артиллерию – дедушку Олега Григорьевича. Попросив родителей удалиться, он остался на кухне с внуком и стал ему растолковывать следующее:

– Я понимаю, Слав, что ты пытаешься найти правду, или как тебе кажется правду, но послушай меня, я всё-таки прожил долгую жизнь. Проходила она при разных режимах, на мой век пришлось много тяжелейших изломов, от войны и краха страны до нынешнего абсурдного положения. И я понял одно: не столь важно, что было плохого, сколько важно, чтобы не забывалось хорошее. Только на этом, на героических примерах, извини за громкие слова, можно формиро-

вать и укреплять внутренний стержень как одного человека, так и общества в целом. Понимаешь?

Слава неопределённо повёл головой.

– Даже если ты видишь, что история в чём-то слишком идеалистична, то оставь свои соображения при себе, особенно на уроках. Я, когда занимался реконструкцией портретов времён Ивана Грозного, узнал из летописных первоисточников как о зверствах первого царя, так и о великих свершениях. Причём сведения о преступлениях исходили в основном из написанных в Польше или Германии воспоминаний бывших опричников. Помню, тогда я просто возненавидел этого палача, правда, позже узнал, что многое сфальсифицировано. – Олег Григорьевич положил старческие руки на ставшие уже вполне взрослыми мускулистые плечи внука, тот улыбнулся и обнял дедушку.

Будучи дитём компьютерной эпохи, Слава не оказался исключением, пройдя положенный путь подростковой игромании начиная от приставки, но в отличие от многих, он всё же не сильно увлёкся быстро наскучившими играми. Стоит добавить, что именно Слава организовал первую в районе игровую сеть; протянуть кабели и всё подключить ему помог электрик-алкоголик дядя Вася за бутылочку спирта «Роял»; Славик взял её у папы, державшего спирт для технужд. Он даже ввёл тариф на участие в сети, но конкурент в лице чуть позже открывшегося в том же районе компьютерного клуба переманил участников более низкой ценой. А Слава из

упрямства отказался снижать стоимость, и на этом его сеть прекратила существование.

Хоккей в старших классах занял почти всё свободное время Славы. Он и раньше изнурял себя тренировками в спортивной школе, участвуя в районных и общегородских соревнованиях, теперь же совсем не мыслил своего существования без спорта. Если бы не его спортивные достижения, то, наверное, он остался бы на второй год. А так как его портрет висел на доске почёта после выигрыша турнира «Золотая шайба», Лёвин считался звездой школы, и ему многое прощалось, в том числе и те самые исторические гипотезы.

После посещения крупным тренером районного турнира Слава был приглашён на просмотр в юношескую команду ЦСКА. Тренеры, наблюдавшие за ним, поразились таланту пятнадцатилетнего паренька и заявили о немедленном зачислении в юношескую команду с заключением первого в жизни Славы договора. Дальше – больше: турнир на первенство Москвы – второе место, зимняя спартакиада – провал команды, но игру Славы высоко оценили специалисты. И в результате неустанных тренировок и блестящих матчей в семнадцать лет ЦСКА подписывает с талантливым нападающим профессиональный контракт.

Придя домой, Слава сообщил радостную весть, обнял маму, папу и родившуюся тремя годами ранее сестрёнку Свету, ничего не понимавшую, но заливисто хохочущую. Отец, расстроганный успехом сына, вручил Мирославу резной рог из

самшита, подаренный ему в своё время как участнику турне фигуристов по Турции.

Как-то в тёплые дни мая, возвращаясь домой, Слава встретил у подъезда девушку, пытавшуюся застегнуть молнию на сапожке, и это у неё никак не получалось. Парень заинтересовался, остановившись около неё, и, хотя ему страшно хотелось есть после трудного дня, он не мог просто пройти. Что-то завлекло его.

– Может, помочь? – предложил он.

Девушка убрала густые рыжие волосы, мешавшие ей разглядеть незваного помощника. То, что она увидела, ей так понравилось, что, находясь в дурном настроении и не планируя ни с кем общаться, она сказала:

– Если не трудно.

Слава присел на корточки и стал дёргать молнию. Девушка тем временем оценивала его покатые плечи, накачанную спину и мускулы, проступавшие через облегающую футболку. Наконец он совсем сломал молнию, сильно дёрнув за язычок. Виновато улыбнувшись, развёл руками:

– Извини, слишком сильно дёрнул. Ты мне дай его, я завтра отнесу в мастерскую, там починят.

Рыжие волосы искрились под светом фонаря, глаза, большие и смелые, иронично смотрели не мигая.

– Я что, золушка? Предлагаешь в одном сапоге пойти?

«А он симпатичный, полные губы, тонкий нос с горбинкой, большие глаза...»

– Тогда давай ты завтра мне сапог отдашь, договорились?

– Договорились, в семь утра во дворе, вот на той скамейке. – Она показала на детскую площадку с лавками.

– Рановато, у меня завтра тренировки нет, но как скажешь. А ты не в 856-й школе училась?

– В этой убогой? Не-ет. Я в английской спецшколе на Ордынке училась, сейчас в МГИМО.

– Понятно... раньше я тебя не видел.

– Я сюда недавно переехала и *на районе не тусуюсь*. – На последних словах она сделала особый акцент.

– Я теперь тоже. Как тебя зовут?

– Белла зовут.

– Слава.

Белла не пришла в семь к дворовой скамейке, не пришла и в восемь, но через два дня Слава увидел её на остановке и, забыв злую шутку, предложил подвезти. Девушка хоть и не сразу, но всё же запрыгнула на его новенькую «Ямаху».

Они стали встречаться: литой хоккеист и хрупкая до анореksии студентка. Слава не приводил её к себе домой, так как места там было немного: две комнаты на четверых, остаться одним почти невозможно, поэтому чаще они бывали дома у Беллы, жившей в соседнем доме в более просторной квартире. И только в день рождения сестрёнки Светы Слава впервые представил свою подругу пред родительскими очами. Праздник удался. Как бывает на днях рождения детей, взрослые, находя в этом прекрасный повод, выпивают и бе-

седуют о всякой всячине. Белла вела себя абсолютно раскованно и не отмалчивалась, в отличие от Славы, который почему-то оробел. Может, потому, что львиную долю времени все говорили об успехах замечательного мальчика-самородка, а это его стесняло.

Проводив подругу, Слава вернулся домой. Мама с бабушкой Леной убрали на кухне посуду. Слава, присев на табуретку, стал доедать оставшийся торт, пытливо смотря на маму.

– Ты хочешь спросить, понравилась ли она мне?

– Угу.

Мама странно взглянула на сына.

– Ты извини, она еврейка?

– А какая разница? – удивилась Елена Романовна. – Вот что худая она слишком и красится чересчур – это нехорошо.

– Да? Тем более что я не знаю! – вспыхнул Слава.

– Я просто спросила. Вообще она симпатичная и, по-моему, неглупая девочка. Ты мне просто ничего не рассказывал о ней. Вы давно встречаетесь?

– Не очень. Вот, пригласил её познакомиться с вами.

– Вы на хоккее познакомились?

– Нет, здесь, на улице.

– Что это за профессия – хоккеист, тебе бы в институт надо поступать, а то будет тебе хоккей, когда в армию заберут, – возмущалась о своём бабушка.

– Не заберут, ЦСКА – армейский клуб, – засмеялся Слава.

Мирослав профессионально рос, из юношеской команды он перешёл во взрослую. В год своего совершеннолетия он уже зарекомендовал себя как восходящая звезда, сыграв серию ярких матчей за свой клуб. Многие серьёзные хоккейные специалисты прочили ему скорый переход в более сильные команды чемпионата, о чём он, впрочем, не думал, просто наслаждаясь игрой.

В день столичного дерби с «Динамо» Слава был настроен как никогда, перед ареной его подрезала наглая «девятка» с дагестанскими номерами, и он к спортивной злости прибавил общечеловеческую. К тому же была приглашена Белла, и он очень хотел блеснуть перед ней. Тренер в раздевалке давал последние наставления перед матчем, который действительно был крайне важен, так как начало и середина чемпионата, несмотря на феерическую игру Лёвина, не удались, и теперь каждая игра была на вес золота.

Выкатившись на лёд, хоккеисты расставились в схему на ледяной площадке. Начало матча выдалось нервным, партнёры Лёвина допускали много ошибок, шайба никак не могла попасть к нему. Слава пытался за счёт активной игры отнять шайбу у динамовцев, но ничего не получалось. Игроки «Динамо» опасно атаковали и в конце концов оккупировали зону ЦСКА, как будто у них было численное преимущество. Вратарь пока справлялся с хлесткими бросками нападавших, раз выручила штанга. Динамовцы пижонились, издевательски раскатывая соперников, ощущая своё

полное превосходство. В середине первого периода Слава, выкатившись к синей линии, после выноса шайбы подкараулил неудачный поперечный пас защитника соперников, вытянув до боли в суставах руку с клюшкой, её кончиком прервал траекторию движения снаряда и, взрывая лёд, бросился в прорыв. Впереди были ворота и голкипер, похожий на тяжелооружённого рыцаря, сзади – отчаянно бросившиеся вдогонку пара защитников. Слава, смещаясь от центра влево, сделал обманное движение, вратарь купился, повалившись на лёд, теперь нужно было просто попасть в образовавшуюся пустоту, что он и сделал. Ликование трибун и поздравление партнёров с традиционным кулачным касанием сидящих на скамейке. Проезжая у борта, Слава прежде всего искал Беллу, которая должна была сидеть в фанатском секторе. Ища её лицо, он вдруг набрёл на глаза одного болельщика, и тут же необъяснимым образом в сознании всплыла картина: кафель, одеяло, яркие лампы на потолке и холод. В растянувшемся мгновении это живо нарисовалось в мозгу. Опомнившись от невероятного видения, Мирослав потрянул головой, поправил шлем и покатился на свою половину.

Матч закончился 5:2 в пользу «Динамо», Лёвин забросил вторую шайбу в третьем периоде.

Ce7 – f8

Приехав на «Курскую» за час до встречи, я стал обдумывать, чем бы занять время. Выбор был между привокзальным кабаком и торговым центром, разумеется, я выбрал первое. В кафешке с пошлым дизайном под американскую пончиковую решил заказать два бокала красного вина, оно было одного вида – «Домашнее». Пока мне несли заказ, я с любопытством разглядывал окружающих, и не столько всех посетителей, сколько группу за соседним столиком. Пьяные мужики растворились, а вот подвыпившая женщина в длинном красном шарфе обрисовалась чётко. Она была более чем симпатична, то сидела настоящая царица красоты. Правда, настолько истрёпанная и пропитая, что хотелось дать ей пощёчину за порчу такого богатства и называть её не иначе как шалава, а не лапочка.

Один приятель мне как-то сказал: «Так всегда бывает у нас, пьющих людей, на природный лик накладывается античная маска Бахуса, однако человеку с воображением легко её снять и таким образом определить возраст и возможный вид без неё». Он знал, что говорил, писатель, алкоголик, у которого мы часто зависали до его некрасивой смерти через повешенье.

Но возвращаясь к той, что меня поразила. Осколки прошлого великолепия проступали через наложенный маскарон

из вина и дыма, сделавший тридцатилетнюю женщину сорокалетней. Огромные, как у кошки, глаза, припухлые губы с трещинкой, аккуратный носик, ямка на щеке и подбородке, светлые густые волосы – всё это было завалено мусором, и подмести его, судя по всему, было некому. С ней сидели два вахлака, первый пил и молчал, второй фамильярно трогал женщину за губы, делая из них бантик, она пыталась убрать его руку, но не слишком активно. Было видно, что её мужчина тот, первый, который молча бухал, а второй, судя по всему, заплатил за угощение. К первому она обращалась «зай», ко второму вообще никак.

За наблюдением сцен окружающего я осушил свою посуду с кислым вином, держа в мыслях приятное предвкушение неожиданной встречи. Ещё, сильно забегая вперёд, нет-нет да и задумывался о том, что надо бы найти работу и снимать квартиру поближе к центру, чтобы Крис вновь согласилась на отношения со мной, и зажили бы мы вместе.

«Нужно стабильное будущее, женщины это ценят», – твердил мой внутренний учитель.

Тут вспомнилось, что надо позвонить Виталику, хозяину муз-студии на Сухаревке. Я достал свой испачканный в бесконечных «плюшках» телефон. Три пропущенных вызова от мамы, этого следовало ожидать; названивала, когда я был в метро.

– Здорово, Виталик!

– Здоровинько.

– Как сам?

– Вашими молитвами, ты как сам?

– То же самое. Слушай, у тебя в студии можно перекантоваться сегодня вечерком?

– Можно.

– Отлично, я буду с дамой, у тебя диван ещё стоит?

– Стоит, тебя ждёт.

– Ладно, спасибо, ну давай, до встречи, с меня должок. Да! Ключ там же? Ага, ну давай.

Всё складывалось прекрасно.

Расплатившись, я вышел, унося с собой запах пивной отрыжки.

У выхода из заведения стояли две молодые девушки с морскими свинками в клетках, они держали миску, на которой было написано «На корм животным». Я поинтересовался:

– Голодают, бедные?

– Нуждаются, – ответила мне одна из них.

– А бомжи у вокзала?

– Они себе сами помочь могут, – сказала другая.

– Нет, не могут, ведь они тоже свинки, только большие. –

Я всё разводил адептов «Гринписа» на провокацию.

Но девушки отвернулись, не поддавшись на неё, к тому же зашумел мобильник.

– Ну ты где? – сердито спросила Кристина.

– Я тут у кафе, тут кафе какое-то, около метро, – косно-

язычно объяснил я.

– А я у выхода из метро, давай подходи, мы опаздываем.

Крис стояла, сомкнув ноги в обтягивающих бриджах, так, что образовывалось три дырки: верхняя – крохотная, треугольная, от влагилица до бёдер, ромб – от коленей до икр и нижняя – овальная, между икрами и лодыжками. К замечательно стройным ногам можно прибавить такой же торс. Что касается портрета, то его нельзя назвать безупречным, если разбирать составные части по отдельности; в этом случае оказывается, что они заурядны, даже неправильны, но, собранные вместе, делают из Кристины ту особу, на которую хочется смотреть сколько получится.

– При-иве-ет! – Крис распротёрла руки, и мы обнялись.

По дороге болтали о всякой всячине, я, между прочим, врал о том, что жил с бабой за сорок на Патриарших в её шикарной хате. Что у неё были большие сиськи, и она помогала мне с моими музыкальными проектами. Кристина заинтересовалась, но вяло, не так, как хотелось. Она сказала, что мы идём на перформанс и что я должен чем-то ей подсобить. Я спросил: «Что это?» Крис ответила: «Современное искусство». Но, естественно, меня занимала не эта чушь, на которую мы топали, а идущая рядом.

– Так как ты поживала всё это время?

– Какое время? – лукавила она.

– Что мы не общались.

– Столько всего было, что и не расскажешь. Ой, смотри,

киса!

На лавке у остановки развалилась мохнатая кошка, нагло щурясь на прохожих.

«Винзавод», конец нашего маршрута, встречал посетителей вывеской над воротами «Здесь живёт современное искусство». Пройдя в ворота, мы очутились на обширной асфальтированной площади, которая была образована старыми кирпичными строениями. Они были как двух-, так и одноэтажными, но в основном здесь находились длинные, похожие на амбары здания с безжизненными трубами на треугольных крышах. В этом смысле они смахивали на людей, бросивших курить.

– Вот это и есть «Винзавод». В кирпичных зданиях галереи и выставочные залы. Здесь раньше был реальный винный завод, поэтому помещения носят названия старых цехов, вот, например, цех красного, – Крис указывала рукой, – там белого, там бродильный. Но нам нужен акцизный склад. Только обещай, что будешь мне помогать до конца, пока не закончится перформанс.

– Замётано, хотя я и не втыкаю, что от меня нужно.

– Поймёшь в процессе действия. Главное смекни, ты будешь участвовать в мегакрутом контемпорари-арт.

Я ничего не понял. Честно говоря, уже захотелось свалить из места, где я чужой; взять Крис за шкуру и привести на Сухаревку. Несколько раз, пока мы шли, я пытался приобнять её, но она отстранялась. А мне с каждой минутой всё

больше и больше хотелось ту, которая своим незримым присутствием так мучила душу и с чьим фантомом я продолжал вести диалог всё это время, даже в период коротких шашней с другими.

Мы зашли в одно из старинных строений, достаточно просторное. Внутри был отремонтированный и отделанный современными материалами зал, здесь проходила выставка. Табуретки, нарочито неаккуратно обляпанные цементом, пластиковые синие и красные фигуры непонятных существ, сидящих в позе лотоса, фотографии разделанных туш кроликов, собак и коров.

– Это очень крутой художник – Митя Густман, жаль, времени нет, можно было бы посмотреть, – по ходу объяснила мне Крис.

Пройдя выставку очень крутого художника, мы спустились в подвальное помещение с арочными перекрытиями, колоннами и невысоким потолком. Оно оказалось достаточно мрачным. Повсюду суетились люди, шло приготовление к чему-то.

Кристина попросила меня подождать её и нырнула в какую-то дверь в стене. Невольно оставшись один в незнакомой обстановке, я начал осматриваться. Первое, что мне приметилось, – это баннер, растянутый на кирпичной стене с надписью: «РУССКИЙ ГУМОС», ниже была подпись: АРТ-ПРОЕКТ группы «Brothers & Sons». Ещё ниже была рисованная картинка с воткнутыми в землю лопатами. Как будто

здесь собирались вести странные земляные работы.

Прямо передо мной встала женщина, или скорее девушка, очень молодая, с рыжими волосами и неправдоподобно зелёными глазами.

«Интересно бы узнать, *там* у неё тоже рыжие волосы?»

Никогда я не стеснялся сальных мыслей и в определённой ситуации мог бы и озвучить их.

– Эти мешки поставьте к стене, а то кто-нибудь ещё наступит и упадёт, будет очень смешно, – распорядилась зеленоглазая. – А это откуда? С Рижского? Очень хорошо, предпоследний мешок. Так, у меня всё!

Рабочие стали расходиться, помещение несколько освободилось. Через долгие минуты наконец появилась Крис под руку с длинным худым чуваком в модных гигантских очках. Они о чём-то оживлённо беседовали. Мне стала сильно поднадое-дать вся эта ситуация, и я решил подойти к ней прояснить положение.

– Кристин, ну что дальше?

Она обернулась.

– Майк, это Володя, он вызвался нам помочь.

– У-у, супер, супер, – поприветствовал меня долговязый, не подавая руки, – надо всех собирать, где Белла?

– Я здесь. Между прочим, Майк, это хамство с твоей стороны. Я не нанималась в прорабы, моё дело – общение с инопрессой.

– Ну не сердись, огненная, ты отлично со всем справи-

лась. – Майк поцеловал её в щёку. Было заметно, как напряглась Крис.

– Паш, у тебя всё готово к съёмке? Хорошо. Так, давай всех собирать. Ребята, сюда! – Майк позвал парней, стоявших поодаль.

Подошло восемь человек, я бы назвал их задротами.

– Значит, так, смотрите, вам уже рассказывали – действие делится на три части. Первая – инкубация, она проходит здесь. Вторая – зомби, выходим на улицу и хаотично ходим, и третья – самовывоз. Запоминайте. – Майк поднял палец вверх. – Сейчас ложимся в поддоны и закидываемся, лежим до начала музыки, дальше встаём и, как я уже сказал, выходим на улицу; там шатаемся, как восставшие мертвяки. Потом приезжает «КамАЗ», грузит всех в кузов и едет. «КамАЗ» далеко вас не увезёт, как только мы всё снимем, вас проводят в техническое помещение, там есть душ.

Восемь парней закивали головой, я опять ничего не понял. Кристина подошла ко мне и доверительно прошептала:

– Спасибо, Вов, что согласился помочь мне.

– Да пожалуйста, только я не в теме, чё происходит-то?

– Инсталляция и перформанс, всё вместе, это гениально, такого ещё не было, девять человек, девять вокзалов. Главное, ничего не бойся.

– Ничего и не боюсь, – сказал я с некоторой обидой.

Парни-задроты стали раздеваться, опять пришли рабочие, в руках у них были лопаты. Я машинально стал снимать ре-

мень и расстегивать ширинку. Люди меж тем разделись до гола и улеглись в стоявшие на полу металлические поддоны, похожие на гробы. На каждом из них значилась надпись: Курский, Белорусский, Рижский, Казанский, Ленинградский, Ярославский, Павелецкий, Киевский и Савёловский. Рабочие подтащили чёрные полиэтиленовые пакеты и принялись их разворачивать. Пошло ужасное зловоние, Майк, Белла и Крис наблюдали за происходящим в респираторах.

– С Киевского сюда насыпайте, с Павелецкого туда, воды добавьте, Паша, снимай, – мычал через маску Майк. – Белла! Савёловский не готов!

Все смотрели на меня. Крис даже сняла респиратор.

– Вова! Ну, ты что? Ты же обещал!

«Значит, я – Савёловский, вот для чего она меня позвала». – И, не выдержав, заорал:

– Что я обещал?! Что меня будут заваливать говном, в прямом смысле?!

– Ты не понял, это такая концепция. Гумус, ну да, говно бомжей со всех вокзалов Москвы. И вы, участники этого действия, показываете, во что превратились люди. Это призыв, его придумал Майк, а ты его демонстрируешь. Вова, ты станешь знаменитым, здесь куча журналистов, – недобро уговаривала она, дёргая меня за штаны.

И вправду, комнату начали наполнять персонажи с камерами. Белла принялась раздавать им респираторы. В ушах

звенел звонок в дверь.

– Саука! – потешно скомкал я бранное слово и почти бегом кинулся по ступенькам наверх. И очень напрасно, потому как в спешке натолкнулся на рабочего, волочившего очередной мешок гумуса. Нелепым образом этот мешок оказался на мне. Путаясь в полиэтилене, разрывая его, я, скользкий и обезумевший от общей мерзости происходящего, кинулся обнимать всех подряд. Не ускользнули от моих объятий и Майк с Кристиной. Умная Белла накинула на меня плёнку, когда я попытался её поцеловать. Под вспышки фотоаппаратов меня выкинула через задний двор пара охранников, сопроводив свой «перформанс» сильными ударами по черепу и животу. Видно, им было не слишком приятно обнимать меня. Последний сильный пинок по моему уже лежащему телу нанёс вроде бы ушедший, но внезапно вернувшийся вышибала; конечно, ему было досадно за испачканные брюки. От такого футбольного удара я очнулся нескоро. Да и после сознание не сразу объяснило мне, где я.

Компания, собравшаяся на свалко-помоечном пустыре вокруг моей персоны, была очень на меня похожа: запах, разбитые лица, порванная одежда. Правда, с двумя бородатыми – значит, мужчинами и одной не бородатой – значит, женщиной сидело существо не похожее разом на всех, оно было немного почище. Свою морду в меня тыкала большая дворовая собака. Её бесчеловечные глаза были глупы. Мой запах, за который, пожалуй, надо лишать гражданства, отли-

чался особой резкостью, но окружавшие меня люди не брезговали.

Оглядевшись одним глазом (второй был подбит и почти заплыл), я понял, что лежу на пустыре со следами нагретого солнцем асфальта, на территории какой-то сгнувшей фабрики.

– Ага, ты на бывшей газовой фабрике, сынок, – самым сильным голосом сказал один из них.

– Кто эт тя? – любопытствовала женщина, заглядывая мне в глаз.

– Да не приставай ты к нему, видишь, человеку оклематься надо. Слышь? Деньги у тебя есть?

Я дал пятьсот рублей. Один из мужиков неуклюже, но быстро побежал в закоулок, а двое моих новых знакомых помогли мне встать и повели к полуразрушенному, похожему на гигантскую кружку зданию.

Фе5 – f4

Как-то в один прохладный летний день, когда ель уже всю шумела величавыми ветвями, а мощный ствол, казалось, подпирал само небо, появился некий человек. Был он не низок, не высок, телосложения крепкого. Одежда его состояла из красного бархатного кафтана, порванного на спине и рукаве, серых суконных штанов и жёлтых яловых сапог, за пазухой у него виднелась шапка, всё было измазано грязью. Продравшись сквозь бурелом и кусты волчьей ягоды, мужчина в изнеможении ничком упал у ели, с трудом перевернулся и облокотился спиной о ствол. Часто дыша, с минуту переводил дух, потом с усилием расстегнул золотую перевязь кафтана, стало полегче. Отёр шапкой с соболиной оторочкой лицо и шею, оставив на бархате следы пота, грязи и крови. Чуть отдохнув, уселся поудобнее, поправил саблю с портупеей. Ель чувствовала, что ему плохо, раны на руке и бедре кровоточат, ссадины на лице болят, она знала, что её смола-живица может помочь, но как дать знать человеку? Между тем мужчина принялся рвать растущие неподалёку от дерева стебли тысячелистника. Нарвав их, он вынул саблю, положил стебли на ладонь левой руки и стал давить растение железным наверху. Надавив сок, мужчина клал размочаленную зелёную кашу на ситцевую тряпицу, оторванную от исподней рубахи. Потом накладывал тряпки с целебными

травмами на раненые кровоточащие места и завязывал длинными оторванными лентами той же рубахи. Туго перевязав правую руку и рассечённое бедро, человек натянул штаны и сел на землю, ему ужасно захотелось пить. На счастье, рядом была яма, наполненная водой недавно прошедшего дождя. Подползя к её краю, он стал жадно пить, глотая вместе с водой пыльцу росших здесь цветов, водных жучков и прочую живность. Напившись вволю, человек подполз к ели и снова сел, опёршись о ствол. Губы его задвигались вместе с окровавленными усами и бородой:

*Выше облачка,
Краше солнышка,
Шире поля,
Глубже моря,
Схорони ты меня,
Лапник ельника,
Сбереги, куст черёмухи,
Не отдай меня зверю лютому,
Зверю лютому – царю Каину.
Соколом сизым,
Бирюком быстрым
Обороти меня, Волос всеславный.
Богородица Покровительница,
Борони жинку мою ясную,
Деток моих малых.*

Так повторял он много раз, полулёжа с закрытыми глазами. Человек не знал, сколько спал, но солнце, видимое сквозь решётку ветвей, начало клониться к закату, когда, разлепив веки, взглянул он на чистое, без единого облака, небо. Осмотрев своё снаряжение, ощупал кожаную нарядную берендейку с порохом, печально подумал: «На кой ляд мне она, коли пищали нету».

Где-то далеко вспорхнула сорока. Мужчина беспокойно повернулся в сторону птичьего крика. Встал и, схватившись за сук ели, благо он был низко, подтянулся и полез наверх. Освежающий сон явно придал ему силы. Вскарabкавшись высоко, до середины исполинского дерева, он раздвинул мохнатые, как лапы филина, поросшие лишайником ветви. Взору открылся густой лес, окружающий большое болотистое озеро, поросшее камышом и ряской; вдали еле виднелся край незнакомой деревеньки. Шагах в пятистах небольшую полянку пересекал отряд людей, их было шестеро. Все в чёрных кафтанах и шапках.

– Псы государевы! – с яростью прохрипел мужчина. – Ну добро, давай побьёмся.

Он быстро слез, вынул саблю из ножен и стал раскапывать землю около дерева. Ели это не понравилось, она пусть и слабо, но чувствовала, как острое железо подрывает её верхние корни. Скоро выкопав ямку глубиной в локоть, человек снял с шеи увесистый кожаный кисет, звенящий монетами, поло-

жил в него сорванную с куском мочки уха серьгу. И, скрипя зубами от боли, засыпал яму землёй, разбросал опавшую хвою с шишками, дабы не был замечен схрон. Подбежал к кустам волчьей ягоды, сломал пару веток, обмазал кровью листву и кинулся в противоположном направлении, в крапивные заросли, стараясь не ломать стебли. Через короткое время к ели подошли те самые люди в чёрных кафтанах. Стали крутиться возле дерева.

– Тут бьяше, – сказал высокий чернобородый человек.

– Вона и кровь у коренюк.

– Зрите! У купины ветви поломаны. Знать, туды побёг.

– Живо следом, – приказал мужчина с серебряной перевязью на груди.

И весь отряд ринулся в кусты волчьей ягоды. Ель хотела помочь, ведь тот раненый человек побежал в другую сторону, но как сообщить ему подобным об этом...

Шесть углов одной фигуры

Славный выдался денёк, солнце только что выглянуло из-за белой тучи и принялось медленно печь. Архипу оно напомнило яичницу, которую он ел наемни у добрых людей. Присев на валун, обтёртый многими путниками, он всмотрелся в даль. Поле, а за ним лес, болото и снова лес. «Любопытно, это малый камень или же верх горы, сокрытой под землёй? – думал мужчина. – Ежели верх горы, то я её царь, а ежели валун – то царёнок».

Он нигде никогда толком не жил; сначала его таскала за собой мать, бродившая с отцом из деревни к селу и обратно к деревне, потом он сам повторил их странствующий путь. Архип был сказочником, как и его родители, он кормился тем, что рассказывал людям сказки, а они взамен чудной кривды давали от себя пищу, иногда кров. Жизнь перекасти-поля нравилась ему, да он и не знал другой. Только однажды в одной деревне надумали его насильно женить и оставить, даже заперли в сарае до утра, когда в церковку должен прийти поп, да убежал Архип, как кабан, прорыл ход и дал стрекача. Теперь он шёл к маленькой слободке, босой, с узелком, на-

битым берёзовой корой и причудливыми коряжками. Кора была нужна для рисунков, которые он делал в каждом согретом человеком месте, а коряжки дарил детям.

Сначала всё, что он баял, было запомнено им от родителей, в первую очередь от отца, который передавал от деда, а тот уже от своего деда. Но Архипу скучно было просто пересказывать, поэтому он старался присочинять своё. Вот и сейчас он сидел и думал сказку.

«Решила курочка взлететь выше своего вершка, силилась, мучилась, да ничего не выходило. Тогда она попросила ветер: “Ветер, ветер, помоги мне взлететь высоко-высоко”. – “Дай мне своё око, тогда помогу”. Отдала курочка своё око, взлетела, да не так чтобы уж очень высоко. Тогда она попросила у травы: “Трава, трава, помоги мне взлететь выше деревьев”. – “А что ты мне дашь за это?” – “Я дам тебе око”. Взяла трава второе око у курочки. Курочка взлетела, да так, что самые высокие сосны остались далеко внизу, а земля стала как блюдце перевернутое. Но узреть этого она уже не могла, и подумалось ей, что летит она не выше кустика. Взмолилась тогда курочка: “Ветер, трава, верните мне мои очи!” Ижалились они над глупой курицей, вернули ей зрение. Вот курочка с тех пор так и ходит по земле и редко когда взлетает выше жерди в своём курятнике».

Рассказав самому себе сказку, Архип поднялся с начинающего морозить его валуна и пошёл дальше по дороге тысячи стоптанных лаптей к ближайшему жилью.

Хань Вэн катил своё колесо по раскисшей от дождя дороге. Колесо было тяжёлое, от грузовой телеги, в которую обычно впрягают волов или тягловых лошадей. Он катил и катил его по дорогам и бездорожью уже много лет, с тех пор, как его выгнали из монастыря в Лунмэне, дав это наказание. Оно заключалось в завете ворочать пудовое колесо двадцать лет и два года – за спор и неуважение к учителю. Началось всё с того, что Вэн, резчик по камню, пренебрёг строгими правилами изображения и сделал лицо Будды по своему вкусу. Статуя была небольшая, место ей определили в нише одной из пещер горного монастыря. Он всего лишь изменил угол губ и разрез глаз, но мало того, он принялся спорить с начальством, отстаивая свою правоту. А потом случилось самое постыдное: в порыве гнева он толкнул своего наставника, старика. Если бы он мог увидеть себя со стороны в тот час, то обязательно проломил бы дубиной свою голову. Как же он теперь сожалел. И вот исход – монах катит колесо, и ему запрещено останавливать его движение, поэтому, когда Вэн хочет спать, он продевает руки и ноги в дыры между спиц и дремлет, пошатываясь из стороны в сторону, оставляя колесо в движении. Иногда он хитрит, встречая по пути какую-либо телегу, договаривается поменять одно из колёс на своё, тогда можно пристроиться на повозке, поесть или даже поспать в спокойствии, сколько позволит возница. Далек не все верят или понимают его рассказ, но мир не без сочув-

ствия; вот и сейчас он встретил погонщика, возвращавшегося с базара, где ему удалось продать весь свой товар – сушеную рыбу. Рассказав в какой уже раз свою историю, монах рассмешил крестьянина, а это добрый знак. Он сам помог поменять колесо. Постылое закрипело на оси, а менянное бросили в порожнюю телегу, куда люди и сами устроились, даря отдых ногам. Быки тронулись.

– Сколько же ты так катишь? – спросил крестьянин монаха.

– Девять лет.

– А осталось сколько?

– Тринадцать.

Крестьянин присвистывает и качает головой. Протягивает монаху рыбку. После перекуса можно и вздремнуть. Но чуток сон горемыки, подобен он птице, охраняющей птенцов в гнезде. Забравшись наверх перевала, телега почти остановилась, и Вэн, вовремя вздрогнув, тронул крестьянина, тот, залюбовавшись открывающимся видом изумрудной долины с бриллиантовой полоской моря вдаль, понял жест и медленно покатыл повозку под гору.

Порывшись в мусорной куче, Том Колокольчик нашёл только рыбы головы да гнилой лимон; не слишком хороший улов с утра, однако пришлось довольствоваться этим. Мальчик сел на поломанный деревянный ящик и принялся поглощать найденное, поглядывая на убогие судёнышки некогда оживлённого торговлей и множеством крупных кораблей

пролива Саутгемптон-Уотер.

Колокольчиком его прозвали за звонкий, словно серебряный, смех, которым он перебивал самые грязные ругательства и грубые шутки. Он пришёл из Северной Шотландии вместе с родителями, искавшими лучшей жизни. По дороге родители умерли от чумы, зайдя не в тот город. Мальчика Бог миловал. Дальше на юг он пошёл один, в свои неполные девять лет. Добравшись до самого юга, он упёрся в море и вот уже третий год жил в Саутгемптоне. Портовая шпана вроде спившихся моряков без крыши над головой, самых дешёвых проституток в Англии и малолетних воришек стали его кругом. Порой, чтобы найти себе пропитание, Том и сам залезал в карман зазевавшегося человека. Его несколько раз ловили и могли бы забить до смерти, если бы не его смех, который обезоруживал самого лютого человека. И то сказать, любой пойманный мальчишка с уже расквашенным носом плакал бы в три ручья и молил о пощаде, а этот... Только стоило поймавшему его в удивлении ослабить руку, как Колокольчик вырывался и давал дёру, скрываясь в портовых трущобах.

Сейчас паренёк жевал голову сельди и думал: куда бы дальше пошли его родители, дойдя до этого города? Ясно, что здесь долго задерживаться им не стоило. Морская торговая и военная жизнь ныне кипела на западном побережье в Бристоле. Оттуда отправлялись корабли в страны, где можно за год стать богачом, туда, где растут сладкие диковин-

ные фрукты, где золото намывается в реках бочонками из-под рома и где кошки величиной с волка. Так говорил Колокольчику один нищий, бывший матрос, объездивший когда-то весь свет, а сейчас питавшийся портовыми крысами. Мальчик, открыв чумазый рот, слушал старика, пока не приходили его подпитые друзья и не сбрасывали ещё более пьяного рассказчика с бочки, на которой принимались играть в кости.

К парнишке подошёл моряк и стал пристально его разглядывать. Потом улыбнулся и спросил:

– Томми?

Колокольчик с удивлением уставился на него, его крёстное имя тут не знал никто.

Оказалось, что это человек, знавший его отца, родом из Северной Шотландии. Моряк наскоро расспросил мальчика об обстоятельствах смерти родителей и о нынешнем его положении, подумал и сказал:

– Вот что, у нас на корабле есть свободное место юнги, мы отплываем сейчас в Швецию, пойдём со мной, будешь сыт и мир посмотришь.

– А в Швеции лимоны есть? – спросил обрадованный Колокольчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.